

ПЕКАРА

ЯЦЕК

fanzon

Я, ИНКВИЗИТОР

СЛУГА
БОЖИЙ

Яцек Пекара Слуга Божий

Серия «Я, инквизитор (Цикл о
Мордимере Маддердине)», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65682206

Слуга Божий: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-111852-5

Аннотация

Вот он – инквизитор и слуга Божий. Человек глубокой веры. Прошла тысяча пятьсот лет с тех пор, как Иисус сошел с креста, утопил в крови Иерусалим и завоевал Рим. Миром правят инквизиторы и Церковь под штандартом с ломаным крестом.

Колдуны совершают богохульные ритуалы, демоны проникают в мир, ведьмы плетут мрачные заговоры.

И со всем этим борется Мордимер Маддердин – человек, сердце которого так же горячо, как огонь костров, на которые он посылает оступившихся.

Он заботится о том, чтобы твоя вера была чиста. Он оберегает твои помыслы от искушения. Он следит за твоими делами, чтобы ты не согрешил. И если возникнет такая необходимость, он поможет очиститься через муки и спасти твою душу.

Самое мрачное и кошмарное видение христианства за всю историю польской фантастики!

Содержание

От редакции	5
Черные плащи пляшут	6
Эпилог	72
Слуга Божий	80
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Яцек Пекара Слуга Божий

Кто поклоняется Зверю и образу его... тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева его, и будет мучим в огне и сере святыми Ангелами¹.

Откровение св. Иоанна. 14:9–10

Он был облачен в одежду, обгаженную кровью. Имя Ему: Слово Божие. ...Он пасет народы жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя.

Откровение св. Иоанна. 19:15

Jacek Piekara
SŁUGA BOŻY

Copyright © 2003 by Jacek Piekara

Публикуется с разрешения автора и при содействии *Владимира Аренева*

Cover illustration © Dominik Broniek

© С. Легеза, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

От редакции

Цикл Яцека Пекары об инквизиторе Мордимере Маддердине вот уже почти двадцать лет остается безусловным бестселлером на польском рынке. Это яркая, бескомпромиссная, полная тайн и неожиданных поворотов история о мире, в котором христианство вовсе не такое, к какому мы привыкли. Каждая книга здесь – отдельный, завершённый сюжет или набор сюжетов, а вместе они складываются в мрачную и завораживающую картину. Раз за разом автору удаётся удивить читателей, а истово верующий Мордимер Маддердин, лицензированный инквизитор Его Преосвященства епископа Хез-хезрона, даже не подозревает о тех мрачных открытиях, что ему предстоят в следующих томах.

«Инквизиторский цикл» – *magnum opus* Яцека Пекары и один из краеугольных камней современного польского фэнтези. Издательство Fanzon имеет честь представить нашим читателям этот захватывающий цикл в комментированном переводе.

Черные плащи пляшут

С каждым избранным есть Ангел, который, как детоводитель и пастырь, управляет его жизнью.
Св. Василий Великий

Из большой ивовой корзины на пол перед нами высыпали отрубленные головы. Я внимательно пересчитал. Восемь. Столько и должно быть.

– Ну, с поголовьем оборотней разобрались, – сказал сидевший рядом со мной Фаддеус Вагнер и глянул искоса: оценил ли я меткую и уместную остроту.

Он ткнул носком сапога одну из голов, откатил, пнул другую: они спутались колтунами окровавленных бород.

– Хорошая работа, – похвалил Фаддеус принесших корзину и дал знак, что могут идти. – Гляди, какая красotka, – кивнул уже мне, показывая на голову молоденькой девицы с длинными светлыми волосами – теперь, правда, измазанной грязью и кровью. – И что ей, делать было нечего?

– Люди безумны, – вздохнул я. – Чем дольше живу, чем больше вижу – тем чаще в этом убеждаюсь.

Семеро мужчин и приглянувшаяся Вагнеру женщина были из банды оборотней. Они терроризировали околицы: одевались в звериные шкуры и нападали на путников и селян, пуская в ход зубы и когти. Так как превосходство у них ча-

стенка было четверо к одному, а жертвами оказывались старики, женщины и дети, оборотни сумели убить нескольких человек, – но в конце концов их поймали, повесили, а потом, мертвым уже, отрубили головы. Обезглавленные трупы мы приказали выставить на рынке, как предупреждение для других любителей рискованных развлечений. Головы же насадят на копыя и украсят ими городские ворота. Тоже как предупреждение.

Не нам, инквизиторам, заниматься такими ряжеными, но пришлось: местный люд был слишком напуган (они убедили себя, что оборотням нипочем оружие, созданное человеком, поэтому ходили, вооружившись бутылочками со святой водой). Так вот городок Кобритц был избавлен от заразы оборотничества, а я и Вагнер могли спокойно вернуться в Инквизиториум Равенсбурга, где кроме нас постоянно пребывала пара других инквизиторов, под опекой которых находился весь округ.

– Ну, выставим счет бургомистру – и домой, – решил Вагнер. Его грубо вырубленное, квадратное лицо прорезала усмешка.

– Аминь, – бормотнул я.

Мы выслеживали банду пару недель. И уж поверьте мне, милые мои, не было это работой, достойной инквизиторских умений, тем паче – времени функционеров Святого Официума. Единственная польза от всей суматохи – то, что, изрядно облегчив городскую казну, бургомистр вознаградит нас

за труды. Такой была договоренность с Хайнрихом Поммелем, высшим и старшим в равенсбургском Инквизиториуме. А уж Поммель и собственной матери выставил бы счет за свое рождение. И я соврал бы, сказав, что мы его за это не ценили. Инквизиторское содержание – сущие гроши, но благодаря активности и инициативности Поммеля в кошеле вашего нижайшего слуги время от времени звенели лишние монетки. Ясное дело, сам Поммель имел с этого приварок куда больший, но мы с этим и не думали спорить. Во-первых, инквизиторы чтят служебную иерархию (и хорошо бы, если б это действовало в обе стороны), во-вторых, старое правило купцов гласит: лучше получить десять процентов со ста дукатов, чем ничего – с тысячи. И поэтому бедный Мордимер радовался, что вскоре сможет позволить себе что-нибудь большее, чем корочка хлеба да глоточек воды.

При всем своем сребролюбию, умениях и цинизме Хайнрих Поммель был почти идеальной главой. Отчего так? Оттого что радовался успехам подчиненных, искренне желая, дабы мы оказались достойны наивысшей чести, какая только может быть дарована инквизитору: лицензии Его Превосходительства епископа Хез-хезрона или лицензии Апостольской Столицы. Сам он давным-давно мог покинуть Равенсбург и работать в Хез-хезроне при самом епископе, но вечной горячке и вечному балагану, царившим в метрополии, предпочитал провинциальный покой. Я понимал его, но в то же время и жалел, что удобства повседневности пригасили

в нем жар, какой должен пылать в сердце всякого инквизитора. Ибо место черных плащей (как нас кличут) там, где безраздельно властвуют зло и неправда. А местами такими, собственно, и являются Апостольская Столица, Хез-хезрон и Энгельштадт, столица нашей великой Империи. Там расцветают ереси, там отступники замышляют свои мерзейшие планы, там в тайных мастерских чернокнижники призывают демонов, а ученые постигают таинства темной магии.

– А может, спроворим наконец какой-никакой ужин? – спросил Вагнер. – Много винаща, много жратвы, девки, музыканты... Ты как, Мордимер?

– Если городской совет оплатит... – отвлекся я от набожных мыслей.

– Оплатит, оплатит, – усмехнулся он. – Тут ведь такое дело: вдруг через месяц или там через год снова потребуется наша помощь. Захотят ли они, чтоб мы вспомнили, как уехали из Кобритца голодными и жаждущими?..

– Святая правда, Фаддеус, – согласился я.

* * *

Горожане были искренне благодарны нам за победу над бандой оборотней и поэтому устроили пир если не роскошный, то, скажем так, приличный. За длинными столами, выставленными подковой и накрытыми снежно-белыми скатертями, сидели отцы города, местный приходской священ-

ник, аптекарь да несколько купцов из тех, что побогаче. Кое-кто пришел с женами, другие – с дочерьми, а еще я заметил четверых молодых и хорошеньких женщин, которое не выглядели ни теми, ни другими. И трудно было не заметить, что жены горожан поглядывали в их сторону, скажем так, без вдохновения. Видно, не привыкли к присутствию девок за трапезным столом.

– Видел? – подмигнул я Вагнеру.

– Четверо, – ответил тот. – Отмечаю в поведении отцов города похвальную дальновидность. Как, хватит нам четырех, Мордимер? – Он глянул на меня с наигранной тревогой.

– Если возьмешь одну, постараюсь не очень вымотать оставшихся, – ответил я.

Бурмистр поднялся с кресла и зазвенел ножом о кувшин. Разговоры понемногу стихли.

– Дражайшие мастера Инквизиториума, – начал бурмистр, поклонившись нам, и хитроватое его лицо озарилось искренней усмешкой. – Благодарю Всемогущего Господа Бога, что именно вас послал Он на помощь бедному городу Кобритцу, жители которого претерпевали ужасающие страдания от рук банды преступников, выдававших себя за оборотней...

Он коротко хохотнул, будто само слово «оборотни» его позабавило. А помнится, когда мы приехали, щеголял-то с бутылкой святой воды в кармане.

– Уж сколько слез мы пролили, сколько молитв вознесли к

алтарям небесным, сколько недель жили в страхе перед разбойниками! Но страх, терзавший наши сердца, расточился благодаря вам, дражайшие мастера Инквизиториума.

– Еще раз повторит «дражайшие мастера» – удвою им счет, – выдохнул Вагнер мне в ухо.

– Оттого – верьте, что сохраним ваши деяния в своей благодарной памяти. Матери в Кобритце уже не будут бояться за детей, мужи – за жен, сыновья – за отцов...

– Сестры – за дядьев, внуки – за дедов... – зашептал Вагнер.

– Сколько будет стоять Кобритц, столько будет жить в нем слава людей большого сердца и большой отваги. Мастера Фаддеуса Вагнера и мастера Мордимера Маддердина! – Бурмистр вскинул бокал в нашу сторону.

Мы встали, и Фаддеус пихнул меня в бок, чтобы я ответил на эту любезную речь, произнесенную отцом города.

– Уважаемый бурмистр и вы, честные обыватели Кобритца, – начал я. – Долг инквизитора – служба. Прежде всего – служба Богу, но кроме того – и верным агнцам Господним. Ибо Писание гласит: *чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях*². Знайте же, что милость Божия – безгранична. Это Он *поддерживает всех падающих и восстанавливает всех низверженных*³. Нас, инквизиторов, использовал Он лишь как

² Иак. 1:27.

³ Пс. 144:14.

орудие воли Своей по дарению покоя городу Кобритцу. – Я на миг прервался, чтобы вздохнуть, поскольку был не приучен к долгим торжественным речам. – Поэтому – не смущайте нас благодарностями...

– Отчего же! Отчего же! – громко запротестовал бурмистр, но я приподнял руку в знак того, что еще не закончил.

– Не смущайте нас благодарностями, – повторил, – поскольку инквизиторы – люди тихие и сердцем смиренные. Благодарите Бога на небесах, который использовал нас подобно тому, как земледелец использует серп, дабы собрать урожай с поля.

Я сел, а остальные встали и начали аплодировать. Пришлось снова подниматься. Вагнер хлопал мне с несколько злобной усмешкой.

– Скромность, что сравнится лишь с вашей отвагой и добрым сердцем! – воскликнул с чувством бурмистр, перекрикивая овации.

– За Кобритц! – поднял я бокал, поскольку хотел наконец-то выпить, а не обмениваться вежливыми словами да фехтовать речами.

– За Кобритц! За Кобритц! – поддержали остальные, а потом – и за инквизиторов, за Официум...

Было это действительно мило, поскольку, уж поверьте, редко случается, чтобы так искренне и радостно пили за здоровье инквизиторов. Мы, функционеры Святого Официума, суть люди достаточно опытные, чтобы не надеяться, будто

все станут нас любить и понимать. Но порой даже в наших ожесточенных сердцах рождается желание, чтобы те, кому отдаем мы столько любви, отвечали сходными чувствами. Увы, обычно семьи еретиков и ведьм явно или скрытно проклинаят инквизиторов. И это вместо того, чтобы радоваться: ведь священный огонь костра очистит грешную душу их близких, а жесточайшая мука, которую испытают они, позволит чрез века, проведенные в чистилище, узреть исполненный славы лик Господа. А ведь без нашей любви и помощи будут они прокляты навеки! Увы, люди обычно не понимают, что зло – не хирург, но гнилые ткани, которые хирург отсекает ланцетом.

* * *

У человека, который ко мне подошел, были седые редкие волосы, ястребиный нос и маленькие, близко посаженные глаза. Одетый в черный кафтан с рукавами-буфами, он походил на старую печальную птицу, готовую спрятать голову под крыло. Но от быстрого взгляда вашего покорного слуги не укрылось, что на пальцах мужчины блестели перстни с глазками драгоценных камней, а бархатный, вышитый золотом кушак стоил как минимум с недурственную лошадку.

– Мастер Маддердин, позвольте вас на пару слов?

Я ожидал услышать голос скрежещущий или писклявый, ибо именно такой подошел бы к его физиономии, но нет –

был он спокойным, низким, приятным на слух.

– Готов служить вам наилюбезнейшим образом, – ответил я, вставая из-за стола.

Вагнер с двумя советниками уже распевал песенку авторства несравненного трубадура Педро Златоуста. Как всегда, была она по крайней мере малоприличной, и присутствующие в зале дамы делали вид, будто ничего не слышат. Что было непросто, учитывая то, как громко Вагнер орал отдельные словечки. Зато он был настолько увлечен пением, что даже не заметил, как я выхожу.

Остановились мы в прихожей.

– Мое имя Матиас Клингбайль, господин Маддердин, я торговец шелком, из Регенвальда... – начал мой новый знакомый.

– День дороги от Равенсбурга, верно? – прервал я его.

– Скорее полтора, – бормотнул он.

– «А плоть была как снег бела, под палкой – трепетала», – пение Вагнера пробилось сквозь шум, и мне показалось, что автором этой песенки был уже не Педро.

Продолжения, впрочем, не последовало. Я глянул в дверь и увидел, что мой конфратер⁴ в миг слабости любезно поднялся из-за стола (чтобы не смущать собравшихся), но, увы, силы его покинули, и переваренный ужин с переваренными же напитками выплеснулись на колени некой честной матроне, жене городского советника. Потом он срыгнул еще раз,

⁴ Сиречь собрат.

теперь обрызгав спину и голову самого советника, а потом радостно заорал:

– Как там дальше? А то я отвлекся...

– Прошу прощения, – обернулся я к своему собеседнику. – Продолжайте, прошу вас.

– Мой сын, – вздохнул он, словно само слово «сын» наполняло его горечью, – два года назад был осужден и заключен в тюрьму за убийство некой девушки. Кровной сестры одного из советников, человека богатого, настойчивого, обладающего большим весом и много лет ненавидящего мою семью. Бог одарил меня способностью к торговле, но хоть я и богат, ничего не могу сделать для спасения сына... А уж поверьте мне – я пытался.

– Так и есть: золотой ключ не отворит всех врат, – сказал я. – Особенно тех, что затворены на засов людского гнева.

– Хорошо сказано, – согласился он. – Мой сын – невиновен. Не верю, что он мог обидеть ту девушку. Единственное, что мне удалось, это спасти его от петли. Но какая разница: десяти лет в нижней башне не выдержит никто.

Родные никогда не верят, что преступления совершили их близкие. Так было, так есть и так будет. Матиас Клингбайль не был исключением, а то, что в голосе его я слышал страстную уверенность, ничего не меняло. Однако он был прав относительно наказания нижней башней. Никто не выдержит десяти лет, проведенных там. Болезни, грязь, холод, влага, голод и одиночество жрут страшнее крыс. Я видел крепких,

сильных, молодых мужчин, что после года-двух, проведенных в нижней башне, выходили за ворота тюрьмы согбенными, едва живыми старцами.

– Сожалею и сочувствую вашему горю, господин Клингбайль, но не поясните ли, отчего вы обращаетесь с вашей проблемой именно ко мне? – спросил я. – Официум не занимается криминалом, если только не идет речь о преступлениях против нашей святой веры. А здесь, кажется, дело совсем в другом.

– Знаю, – сказал он. – Но не могли бы вы приглядеться к этому случаю? Вы человек ученый, сумеете отсеять зерно правды от плевел лжи...

Я не знал, старается ли он снискать мою симпатию или же действительно так считает. Но ведь сказал он чистую правду. Инквизиторов обучают непростому искусству чтения в человеческих сердцах и мыслях, что чаще всего позволяет безошибочно прозревать истину.

– Господин Клингбайль, городские советы и суды не любят, когда Инквизиториум интересуется делами, которые его не касаются. Да и мой глава наверняка не обрадуется, если я, вместо того чтобы преследовать еретиков, богохульников и ведьм, займусь обычным убийством.

Святому Официуму нет дела до гнева, ненависти или сетований даже богатых горожан с высоким положением (больше приходится считаться с благородными, особенно теми, что из знатных родов), но одно дело официальный послан-

ник Инквизиториума, а совсем другое – инквизитор, пытающийся сунуть нос не в свое дело и занятый частным расследованием. Вот если бы инквизитор обнаружил следы ереси или магии, тогда ситуация бы изменилась. Тогда мог бы он от имени Святой Инквизиции взять власть над городом. Но ежели сделал бы это неосмотрительно, нерасторопно или без серьезных на то оснований, последствия оказались бы для него крайне неприятными.

– Я хорошо заплачу, господин Маддердин. – Клингбайль понизил голос, хотя в пиршественном зале пели так громко, что никто бы нас не услышал. – Только возьмитесь за дело.

– «Хорошо»? Сколько же?

– Сто крон задатка, – сказал он. – А если вытащите моего сына из тюрьмы, добавлю тысячу. Ну, пусть даже – полторы тысячи.

Это было воистину королевской наградой. За полторы тысячи крон большинство обитателей нашей прекрасной Империи зарезали бы собственную мать, а в качестве премии добавили бы нашинкованного вместе с остальной родней отца. Но размер награды свидетельствовал также о том, что Клингбайль считал задание невероятно трудным и – кто знает, – может, даже опасным.

– Дайте мне время до утра, – сказал я. – Подумаю над вашим щедрым предложением.

– Завтра утром? – Он пожал плечами. – Завтра утром я пойду с этим к вашему приятелю. – Клингбайль кивнул

на зал, где Вагнер как раз отбивал полуобглоданной костью ритм по столешнице.

– Дадите двести залога, когда появлюсь в Регенвальде, – решил я, поскольку, во-первых, кроны не росли на деревьях, а во-вторых, я любил непростые задачи. – Или – вольному воля. – Я глянул на Вагнера, который как раз ткнулся мордой в миску с подливкой.

– Принято, мастер Маддердин. – Он протянул ладонь, а я ее пожал.

– Ах да, как же зовут вашего врага?

– Гриффо Фрагенштайн.

– А сына?

– Захария.

– Ладно. А теперь – условимся. Я не знаю вас, и мы не разговаривали. Постараюсь приехать в Регенвальд с официальной миссией – если получу разрешение Инквизиториума. Тогда выплатите мне задаток. Если же не появлюсь в течение недели, ищите кого-нибудь другого.

– Да будет так, – согласился он, после чего, не сказав уже ни слова на прощанье, кивнул.

* * *

Клингбайль не стал возвращаться в пиршественный зал, а вышел на улицу. Была это достойная похвалы осторожность, ведь чем меньше людей увидят нас вместе, тем лучше.

Пир продолжался до самого рассвета. Когда мы возвращались к себе, нежно-розовая заря уже заглядывала в окошки. Я усмехнулся напоследок Вагнеру и, приобняв двух девочек, скрылся за дверьми комнаты. Однако спокойно провести время мне не удалось. Обе девицы как раз чудеснейшим образом развлекались (щекоча мои бедра и живот волосами, однако обращал я внимание отнюдь не на щекотку, а на кое-что другое), когда из коридора донеслись крики.

– Ах ты сука проклятая! Убью! – верещал кто-то, и я отчетливо различил искаженный злостью и алкоголем голос Вагнера.

– Девочки, перерыв, – велел я. Выскочил из кровати и набросил плащ на голое тело. Отворил дверь, вышел в коридор. Увидел Фаддеуса, что склонился над одной из своих девочек (та лежала, скорчившись, под стеной) и охаживал ее кулаками.

– Обворовывать меня, курва? – драл он горло. – Мало я тебе заплатил?

Нагая девушка отчаянно стонала и закрывала руками лицо. Признаю, она была очень даже ничего, с грудями побольше моей головы. Ну, милые мои, Фаддеус первым выбирал девочек, бедный же Мордимер довольствовался тем, что осталось. Но что же, выходит, первый выбор не всегда удачен?

Я подошел к ним, желая успокоить Вагнера тихим словом (поскольку Мордимер Маддердин очень смирный человек), однако вдруг в руке моего товарища блеснул нож.

Я удержал его руку. Быстрее, чем смог осознать.

– Вагнер, – сказал ласково, – это же просто девка. Можешь ее выпороть, но зачем убивать?

– Не тв'йо дело! – рявкнул он, и я увидел, что глаза моего спутника безумны и полны гнева. Это меня очень разочаровало: будь ты хоть пьян вусмерть, но инквизитору и в алкогольном угаре следует владеть собой.

– Любезный Фаддеус, если ты убьешь эту девицу, до конца ночи останешься лишь с ее подружкой. А я тебе своих не отдам – ни одной. Даже не проси...

Он глянул на меня – и внезапно гнев в его глазах погас. Вагнер засмеялся, потом хлопнул меня по спине.

– А ты пр'в, Морт'меш, – сказал, и девица, услышав эти слова, зарыдала с облегчением. Он же глянул в ее сторону со злобной усмешкой. – Убб'ю утрр'м, – добавил, но я знал, что теперь он шутит.

– Разве только?... – поддел я его.

– Разв' т'лько буд'т очень стар'цца смирить мой гнеффф, – закончил Вагнер.

– Ну вот, – сказал я. – Позволишь ли мне теперь вернуться и закончить то, на чем ты меня прервал? А уж поверь – прервал в самый неподходящий момент.

Он покивал и поднял девицу за волосы. Та охнула, но сразу же обняла его за пояс. Они пошли по коридору к комнатам Фаддеуса; и вместе казались кораблем, лавирующим среди рифов. Девица, придерживая пьяного Вагнера, обер-

нулась на миг в мою сторону, и я увидел, как губы ее беззвучно складываются в слово. В Академии Инквизиториума нас учили читать по губам, поэтому я понял, что она хотела сказать. И был доволен, поскольку люблю людей, которые умеют оценить оказанную им услугу. Даже если речь о таком незначительном создании, как девка из маленького городка.

Поймите правильно, милые мои, Мордимер Маддердин не был, не является и никогда не будет человеком, которого может огорчить смерть девки. Скажи мне Вагнер на следующий день: «Знаешь, Мордимер, пришлось ту шлюху зарезать – она меня обокрала», – вероятно, я лишь пожурил бы его за вспыльчивость, но не за само решение. Однако в том-то и дело, что на сей раз в неловкой ситуации оказался я сам. К тому же не люблю бессмысленно причинять боль, как не люблю и беспричинных смертей. Ведь и Господь наш говорил: *Как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то стократ сделали Мне*⁵. Не верю, что спасение жизни глупой девки (а только глупая попыталась бы обокрасть инквизитора, пусть даже пьяного), так вот, не верю, что это будет иметь значение на Божьем Суде, где все грехи наши окажутся взвешены и сочтены. Но мне подумалось: хорошо ли для хваленых инквизиторов, что один из них оставит в память о себе труп зарезанной девки? Мы были героями Кобритца, а герои не убивают шлюх в пьяном угаре. И поверьте, лишь это да еще сохранение доброго имени Святого Официума вол-

⁵ Матф. 25:40.

новало меня тогда.

Утреннее приключение напомнило о себе ближе к полудню, когда Фаддеус ввалился в мою комнату: я как раз, уже в одиночестве, отдыхал после пьянства и постельных утех.

– Не крала, – пробормотал он.

– Чего?

– Упал под кровать, даже не пойму когда, – сказал Вагнер. – Ну, кошель, значит. Наверное, когда раздевался или что... Утром нашел... Знаешь, Мордимер, если бы не ты – я бы убил невинную девушку!

– Мой дорогой, – сказал я, удивленный его терзаниями, – я тебя удержал лишь оттого, что полагал: две девицы управятся с тобой куда лучше, чем одна. Протяни какая-нибудь шлюха лапу к моим денежкам, я зарезал бы ее и глазом не моргнул. Да и поразмысли, дружище, кого волнует жизнь девки? Ты выказал немалые рассудительность и милосердие, просто сохранив ей жизнь.

– Думаешь? – глянул он на меня.

– Думаю, Фаддеус. Ведь молодому инквизитору необходим пример для подражания. И я рад, что сумел повстречать именно тебя...

Мгновение мне казалось, что я переборщил. Вагнер, однако, заглотив комплимент, словно молодой пеликан рыбешку.

– Ты мне льстишь, Мордимер, – сказал, но улыбка на его лице была искренней.

– Слишком уж я для этого прямодушен, – вздохнул я. –

Иногда думаю, что надо бы научиться тому, о чем говорит поэт: *Во взаимном вежестве подкажусь коварно: просто должно говорить, как Господь сказал, но...*

– Хайнц Риттер? – перебил он меня.

– Знаешь его стихи?

– А то, – ответил он и закончил за меня: — *Изовьюсь я мыслю, а протец трепещет: мотыльком, да на огонь – на слова, что блещут.*

– *Я ж глаза тотчас сомкну, будто задремавши: дурня корчить день-деньской – ничего нет слаще,* – ответил на то и я.

И снова пару минут опасался, не переборщил ли с иронией. Но нет. Фаддеус Вагнер рассмеялся искренне.

– Однажды я пил с Риттером. Свой парень, так скажу. Три дня не просыхали. Оставил меня, едва только мой кошель опустел, – судя по тону, товарищ мой не держал зла на Риттера, что приязнь их угасла с исчезновением последнего дуката. А означало это, что драматург был и вправду веселым компаньоном.

* * *

Хайнрих Поммель внимательно выслушал рапорт, а потом приказал нам садиться за составление письменного отчета, койй следует отослать в канцелярию Его Преосвященства епископа Хез-хезрона. Видимо, дабы мышам было что

жрать в епископских столах; я не думал, будто кто-то имел время и желание заниматься обычными рапортами местных отделений Инквизиториума. Наш же глава более всего радовался немалой сумме, которую мы получили от состоятельных и благодарных горожан. Он высыпал монеты на стол и сразу же отсчитал четверть. Подвинул денежки в нашу сторону:

– На здоровье, парни.

Конечно, глава и не думал отчитываться перед нами в том, что сделает с оставшимися тремя четвертями награды, и мы были бы воистину удивлены, поступи он иначе. Но, как я уже и говорил, на Поммеля обижаться невозможно. В Инквизиториуме у нас всегда были добрая еда, вдоволь вина, вовремя выданные содержание и пропитание, а когда у кого-то из инквизиторов возникали финансовые затруднения, Поммель всегда выручал его беспроцентным кредитом.

Мудрый человек, он знал, что лучше быть для подчиненных требовательным, но заботливым отцом, нежели изображать из себя скупердя и вымогателя, чье поведение сперва вызывает презрение, а после приводит к заговорам. И мы в общем-то не держали на него обид за то, что его любовница как раз достраивала прекрасный дом за городом, а сам Поммель через подставных лиц владел несколькими небольшими именьями.

Были мы молоды, учились у него и знали, что, если когда-нибудь примем под опеку одно из местных отделений

Инквизиториума, будем поступать столь же рассудительно.

Вагнер сгреб в кошель свою часть гонорара и встал, но я не сдвинулся с места.

– Могу ли просить о минутке разговора?

– Конечно, Мордимер, – ответил Поммель.

Фаддеус, чуть помедлив, вышел из комнаты. Я был уверен, что его снедает любопытство – о чем это я хочу поговорить со старшим Инквизиториума?

– Чем могу тебе помочь? – Поммель, едва за Вагнером закрылась дверь, уставился на меня.

С Поммелем можно было не юлить, оттого я напрямик рассказал все, что услышал от купца Клингбайля.

– И сколько предложил?

– Двести задатка и полторы тысячи, если выгорит, – ответил я честно.

Старший Инквизиториума тихонько присвистнул.

– И чего хочешь от меня, Мордимер?

– Чтобы выдали мне охранную грамоту на допрос Захарии Клингбайля.

– С какой целью?

– Дознание по факту, что он мог стать жертвой колдовства. Ведь в этом призналась два года назад Ганя Шнифур, верно?

Ганя Шнифур была хитрой и злокозненной ведьмой. Мы сожгли ее в прошлом году после длительного расследования, которое, впрочем, принесло прекрасные плоды. Благодаря

этому пламя костров на время разогнало хмурую тьму, окружавшую Равенсбург.

– А подтвердят ли это протоколы допросов?

– Подтвердят, – ответил я, поскольку сам составлял протокол (писаря затошнило во время пытки, и кое-кому пришлось его тогда заменить). Поэтому вписать еще одну фамилию навряд ли будет сложно.

– И отчего же мы взялись за это только через два года?

– Ошибка писаря.

– Хм-м? – Он приподнял брови.

– Клякса вместо фамилии. Небрежность, достойная осуждения. Но – просто человеческая ошибка. Однако, руководствуясь не слишком распространенным именем «Захария», мы размотали клубочек.

– Ну коли так... – пожал он плечами. – Когда хочешь отправиться?

– Завтра.

– Хорошо, Мордимер. Но – вот что. – Поммель глянул на меня обеспокоенно. – Я слышал о Гриффо Фрагенштайне – и рассказывают о нем мало хорошего.

– Звучит как благородная фамилия.

– Потому что так и есть. Гриффо – бастард графа Фрагенштайна. Странное дело: граф признал его и дал свою фамилию, но император дворянского титула за бастардом не утвердил. Поэтому Гриффо занимается торговлей и руководит городским советом в Регенвальде. Если он и вправду

ненавидит Клингбайлей, то будет очень недоволен, что кто-то лезет в его дела.

– Не осмелится... – сказал я.

– Ненависть превращает людей в идиотов, – вздохнул Поммель. – Если он умен – будет тебе помогать. По крайней мере, для виду. Если глуп – попытается запугать, уговорить или убить.

Я рассмеялся.

– Когда в городе гибнет инквизитор – черные плащи пускаются в пляс, – процитировал я известную поговорку о нашей профессиональной солидарности.

– Ненависть превращает людей в идиотов, Мордимер, – повторил он. – Никогда не позволяй себе думать, что твои враги будут поступать так же логично, как ты сам. Разве бешеная крыса не нападет на вооруженного вилами человека?

– Буду осторожен. Спасибо, Хайнрих, – сказал я, поднимаясь с кресла.

Не было нужды даже обсуждать, какой процент перепадет Поммелю от моего гонорара. Я знал, что он возьмет столько, сколько захочет. Но также я знал, что глава позаботится о том, дабы я не чувствовал себя обиженным.

– Завтра выпишу тебе документы. – Он встал, обогнул стол и подошел ко мне. Положил ладонь на плечо. – Знаю, кто расправился с оборотнями, знаю также, что Вагнер почти не трезвел те две недели и было от него мало проку.

– Но...

– Заткнись, Мордимер, – приказал он ласково. – Также знаю о девушке...

В Академии Инквизиториума нас учили многому. Кроме прочего – искусству обманной беседы. Поммель наверняка догадывался, что за две недели мы воспользуемся услугами девочек, а девочки и любовь Вагнера к хмельному и приключениям – это всегда влекло за собой проблемы. Я дал бы руку на отсечение, что Поммель стрелял наугад, надеясь узнать истину по реакции вашего нижайшего слуги. А у меня даже мускул не дрогнул. Наш глава ждал некоторое время, потом усмехнулся.

– Далеко пойдешь, мальчик, – сказал ласково. – Ну, ступай.

Окликнул меня, когда я был у самых дверей:

– Ах, Мордимер, еще одно. Слова: *как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то стократ сделали Мне* – кажутся ли тебе достойными нашей вечерней медитации?

Я повернулся.

– Конечно, – кивнул, обещая себе, что впредь даже мысленно не стану произносить формулировку «дам руку на отсечение».

А чуть позже подумал, стрелял ли Поммель и в этот раз наугад или же от кого-то получил рапорт о наших похождениях. Но если так – от кого?

Мещанам запрещено надевать алое, ибо это цвет благородного сословия. Но Гриффо Фрагенштайн осмеливался носить на плечах плащ не просто сиявший чистейшим пурпуром, но и вышитый к тому же золотыми нитями, что складывались в форму Трех Башен – герба, принадлежавшего его отцу.

– Мое имя Мордимер Маддердин, и я лицензированный инквизитор из Равенсбурга, – представился я.

– Рад вас приветствовать, мастер, – сказал он вежливо и пригласил меня садиться. – Не желаете ли позавтракать вместе со мной?

– С большим удовольствием. – Я следил, как он раздает слугам приказания насчет еды. Высокий крепкий мужчина, на его широких плечах покоилась голова несколько странной продолговатой формы, словно ее сдавили в тисках. Даже длинные буйные волосы, спадавшие на плечи, не могли скрыть сей изъян. И все же Гриффо Фрагенштайн не производил впечатления уроды, над которым только и смеяться (позже я узнал, что за глаза горожане кличут его Господином Яйцеглавом – но лишь наверняка зная, что слова эти никто не услышит). На лице его читалась решимость, взгляд был быстр и проницателен. Даже когда Фрагенштайн усмехался, глаза оставались оценивающими, внимательными и невыра-

зительными.

– С удовольствием помогу вам, насколько это в моих силах, господин Маддердин, – сказал Фрагенштайн, ознакомившись с подписанными Поммелем полномочиями. – Но...

Поскольку он не продолжал, я позволил себе спросить:

– Да?

– Думаю, если Захарию Клингбайля настигла месть ведьмы, то он заслужил все, что с ним случилось!

– О нет, господин Фрагенштайн, – ответил я твердо. – Даже самый свирепый преступник не заслужил страданий, причиненных ведьмой. И не потому, что они столь ужасны, но потому, что страдания следует причинять лишь во имя закона и согласно требованиям его.

– На Клингбайля пал гнев Божий! – отрезал он.

– Вы полагаете, наш Господь мог использовать ведьму, дабы наказать этого человека?

– Я ничего не полагаю, мастер Маддердин, – пошел он на попятный, понимая, что ступил на зыбкую почву религиозных вопросов, и опасаясь, как бы сие не закончилось худо. – Я его попросту ненавижу и надеюсь, вы понимаете причины этой ненависти?

– Ненависть – шалая сука, господин Фрагенштайн. Не удержишь ее на цепи, и порвет тебя самого...

– Значит, не понимаете, – вздохнул он.

– Призвание инквизиторов – делиться с людьми любовью, а не ненавистью, – отвечал я. – Но если спрашиваете, пони-

маю ли я ваши чувства, то отвечу: понимаю их. Задам же лишь один вопрос, господин Фрагенштайн. Убеждены ли вы, что именно Захария Клингбайль убил вашу сестру?

– Захария Клингбайль убил Паулину. Это истинно, как и то, что Иисус Христос сошел с креста своей муки, карая грешников, – торжественно сказал Гриффо, кладя ладонь на сердце.

Я удивился, поскольку в его словах не было ни капли лжи. Конечно, он мог верить в то, чего не было на самом деле. И конечно, я, неопытный инквизитор, мог ошибаться, оценивая сказанное хитрым купцом, но в словах его не звучало ничего, кроме страстной веры в справедливость своих обвинений.

Мы сели за сытный завтрак и щедро окропили его вином. Еда была исключительно вкусной, а красные и белые вина, пусть и не самых знаменитых урожаев, – весьма недурными, как на простецкий вкус Божьего слуги. К выпечке, пряникам и марципанам подали альгамбру – сладкую, густую, словно мед, пахнущую приправами. Я вздохнул. Хорошо же живут графские бастарды, подумал. Могли меня утешить лишь слова Господа нашего, который обещал богачам, что *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в Царствие Небесное*⁶. А поэтому такой человек, как я, кого можно было назвать «убогим», верил: важнее всего то, что сердце мое находится – согласно определению – в милости «у Бога».

⁶ Матф. 19:24.

Во время завтрака говорили мы обо всем и ни о чем, а Гриффо между прочим рассказывал о проблемах кормления коней благородной крови и о том, как жертвовал гнедую кобылку некой славной певичке, Рите Златовласой.

– Жаль только, что взамен она всего лишь посвятила мне одну из своих баллад: я рассчитывал на большее, – добавил, подмигивая мне.

– Была красоткой?

– О да, красоткой... – сказал мечтательно.

– И у кого из нас не дрогнет сердце при виде соблазнительной девицы? – поднял я бокал. – Их здоровье, господин Фрагенштайн!

– Для мира они – беда, но без той беды и жить не хотелось бы, – прикоснулся он своим бокалом к моему – легонько, чтобы не повредить хрусталь.

Мы выпили, а я вздохнул и похлопал себя по брюху.

– Благодарю вас за занимательную беседу и прекрасное угощение. С вашего позволения, однако, пришла пора допросить Клингбайля.

– Сытный завтрак, прекрасные напитки, а вы желаете идти в казематы? – удивился он. – Лучше скажите, как вы насчет визита к прекрасным дамам?

– Быть может, позже. – Я поднялся с кресла. – Хоть сами понимаете: совершаю сей выбор вопреки собственному сердцу, – усмехнулся. – Не выправите ли мне бумаги?

– Раз такова ваша воля, – ответил он. – Впрочем, я вас

проведу: удостоверюсь, что примут вас как должно.

Я не имел ничего против общества Гриффо, поскольку знал – когда дойдет до допросов, просто выставлю его из камеры. Фрагенштайн мог быть большой шишкой в этом городе, но никто не будет присутствовать при допросе без позволения инквизитора.

* * *

Название «нижняя башня» подразумевало, что тюрьма находится в здании, разделенном, как и положено, на цокольный этаж, верхнюю и собственно нижнюю башни. Кто-нибудь мог бы вообразить высокую постройку, где в камерах, вознесенных в поднебесье, отчаявшиеся заключенные высматривают орлов, что унесут их из неволи. Ничего подобного, милые мои! Чтоб построить настоящую башню, необходимо участие опытных архитекторов да знающих каменщиков, нужны камень или кирпич и умело приготовленный раствор – чтобы остаться уверенным: постройка не распадется через несколько лет. Все это недешево. А зачем бы городскому совету давать такие деньги на тюрьму? Поэтому она стояла подле ратуши и выглядела как обычное одноэтажное здание. Заключение в «верхнюю башню» означало, что узники сидят в сухих камерах с оконцами, в которых виден мир Божий и где можно нежиться на солнышке. Наказание же «нижней башней» означало, что будут они гнить в подзе-

мельях, лишённые свежего воздуха и погруженные в вечную тьму.

Не думал я, однако, что у регенвальдских казематов целых два этажа. Потом уже я узнал, что лет этак полтора тому назад в этом месте стояла крепость. Во время войны город сожгли, а твердыню сровняли с землей. Но вот подземелья остались почти нетронутыми.

Прежде всего мы спустились в подвал, потом крутая длинная лестница привела нас в караулку. Караулка – это было сильно сказано: здесь в малой клетушке сидела пара пьяных стражников; увидев Фрагенштайна, они постарались скорее спрятать под стол бутылку. И конечно, раздолбали ее вдребезги. Гриффо великодушно сделал вид, что ничего не заметил.

– Как там Клингбайль? – спросил.

– Да влежку, ваш’м’лость! – заорал младший из стражников. – Да я й’му так д’л, что вы!

– Что? – Глаза у Гриффо превратились в щелочки. На месте стражника я бы задумался.

– Верещал он, ну, – мужчина взмахнул руками. – Ну, я п’шел, значит, и ему, сука, грю, мордой, грю, в стену, не шеб’ршать, – рассмеялся он довольно и пьяно. – Х’рошо сказал, а?

Фрагенштайн глянул на старшего стражника:

– Это кто такой?! Я его не знаю.

В голосе его прозвучали нотки, которые – будь я младшим

стражником – заставили бы меня бежать без оглядки. Ясное дело, при условии, что у того младшего стражника в голове, налитой самогоном, осталась хоть капля мозгов.

– Я й’му с ноги, а потом – прутом в рыло, а потом снова с ноги...

– Господин советник, я отъезжал. – Старший стражник, видимо, знал, что им светит. – Первый день сегодня. Неделю меня не было, не знаю его, Богом клянусь... Новый он...

Гриффо был бледен от бешенства. Челюсти его ходили, словно у кота на охоте. Он протянул руку.

Старший стражник верно истолковал жест и подал окованную железом дубину, что до поры стояла у стены.

– Как й’бн’л, грю, и нос – кр-рк, а потом, грю, вторым, в глаз, а тр’тим... – нес малый, выставив для счета пальцы.

Некогда мне довелось видеть, как епископ Хез-хезрона развлекается игрой в лапту. Его Преосвященство удивил меня точными и сильными ударами битой по мячу. Но это было ничто по сравнению с ударом, который нанес Гриффо. Одним точным движением палки он сломал стражнику все три выставленные пальца. Потом ударил слева и попал точнехонько в колено. Лишь тогда молодой начал истошно вопить.

– Пойдем, – приказал я старшему стражнику и потянул его за рукав.

Стражник послушно пошел за мной. Когда удалялись, мы не слышали ни тяжелого дыхания, ни свиста палки, ударяю-

щей в тело, – лишь полный боли крик истязаемого человека. Интересно, когда именно Гриффо устанет и заметит, что нас нет рядом? И не менее интересно, что к тому времени останется от стражника. Хотя тяжело было не согласиться: получил он лишь то, что сам заслужил.

* * *

В камеру Клингбайля вели двери, по ржавчине на замке которых было понятно: пользовались ими давно. Воду и еду узнику подавали сквозь малюсенькое окошечко в стене. За решетить его никто и не подумал, поскольку в ту дыру не смог бы проскользнуть и ребенок. Я заглянул и увидел человека: он лежал на каменной полке под противоположной стеной. Полка были шириной едва ли в локоть, поэтому узник, чтобы удержаться на ней, выцарапал щели в кладке, и было видно, что и теперь он цепляется за те щели ногтями – хотя при этом спит. Почему же так отчаянно пытался он удержаться на каменной полке? Потому, что в камере не было пола. Вернее, он, конечно, был, но – скрыт под слоем коричневой жижи. Пахла она столь омерзительно, что уже через миг хотелось отшатнуться от окошка. Жижа состояла из никогда не убираемого дерьма и сочившейся по стенам воды. Благодаря тишине я отчетливо слышал мерный стук капель, долбивших камень.

Сын купца Клингбайля лежал, повернувшись лицом к сте-

не, поэтому видны были лишь его спина с выпирающими лопатками и худые ягодицы, черные от грязи, въевшейся глубоко в кожу. Внезапно узник застонал и перевернулся. Резкое движение привело к тому, что он с плеском свалился в отвратительную жижу. Тотчас вскочил. Нечистоты были ему по колено, но я обратил внимание на кое-что другое. Лицо Захарии было не только деформированным и исчерканным сетью старых шрамов. Через левую щеку, от уголка рта вверх бежала паскудная воспаленная рана, а нос выглядел сломанным. Скорее всего, это были следы побоев, которыми хвастался молодой стражник (и за которые, собственно, получал награду от Гриффо).

Молодой Клингбайль качнулся к двери, разбрызгивая вокруг себя вонючую жижу, а потом поскользнулся и упал. Исчез под поверхность.

– Ишь, нырнул! – Мужчина рядом со мной рассмеялся искренним смехом полудурка.

– Вперед! – Я оторвался от окошка и дернул стражника. – Вытаскивай его!

– Да вы что, господин? – Он глянул на меня так, словно я предложил содомически позабавиться с собственным отцом.

Человек без сознания может не дышать столько времени, сколько хватает, чтобы раза три-четыре прочесть «Отче наш». А я не хотел, чтобы Захария умер. Он был моей надеждой на полторы тысячи крон. И Мордимер Маддердин решил позаботиться о своей и так уж не слишком надежной

инвестиции. Одним движением я выкрутил стражнику руку – тот согнулся аж до самой земли. Заверещал, а в суставе что-то хрустнуло. Я же выхватил нож и приставил к его горлу.

– Начну читать «Отче наш». Если после третьего «аминь» узника здесь не будет – ты мертвец... – прошептал я.

Отпустил – он оперся о стену.

– Но сапоги, штаны, господин... вонять будут...

– *Отче наш, сущий на небесах*... – начал я.

– Уже, уже! – Он подскочил к дверям и принялся искать на кольце нужный ключ.

Наконец железо заскрежетало в замке.

– Осторожней, не сломай! – сказал я.

Он забормотал что-то невнятное, дергал некоторое время, потом вытащил ключ.

– Не тот! – застонал, глядя на меня с испугом. Его грубо вырезанное, тупое лицо было полно отчаяния.

– Первый «аминь» прошел, – пробормотал я. – И серебряная крона, если удастся, – добавил, поскольку старый добрый принцип гласил: «Позволь людям выбирать между кнутом и пряником». Некоторые, правда, полагали, что довольно и кнута – да пощедрей, – но я решил, что стражник достаточно напуган.

Следующий ключ заскрежетал в замке, а потом, преодолевая сопротивление, провернулся. Раз и другой. Дверь, отворенная сильной рукой, душераздирающе заскрипела. Муж-

чина влетел в камеру, разбрызгивая вонючую жижу (я предусмотрительно отступил на шаг), поскользнулся, пошатнулся и булькнул с головой. Вскочил быстрее, чем упал, после чего длинно и забористо выругался, фыркая и отплеываясь. Нашупал лежавшее на полу тело, вытащил. Перехватил покрепче и забросил себе на плечо. Дошаркал до двери и опустил его к моим ногам. В последнюю секунду я шевельнул ногой, чтобы череп молодого Клингбайля не стукнулся о камень, а лишь почил на моем сапоге.

– Удалось, господин. – Стражник обильно сплюнул чем-то густым и коричневым, а потом громогласно высморкался на пол.

Сперва я хотел приказать ему отмыть узника, но потом решил, что сам сумею сделать это намного лучше. Присел над телом и приложил пальцы к шее Захарии. Пульс был. Слабый – очень слабый, – но все же был. Я подвигал его руками, нажал на грудную клетку, а когда его стошнило и я услышал спазматическое дыхание, решил, что все более-менее в порядке. Понятное дело, если говорить об утоплении. С остальным было очень скверно. Прежде всего меня беспокоила грязная, огромная рана на лице. Узник только что искупался в нечистотах, отвратительно смердел, и я не мог сразу понять, не начала ли гнить плоть. Если так – дни Захарии сочтены. А значит, я никогда не получу обещанные мне полторы тысячи крон. Кроме того, сына купца почти уморили голодом. Несмотря на то что он был намного выше меня (а

уж поверьте, ваш покорный слуга не карлик), я мог бы поднять его одной рукой.

– Берись, – указал я на тело, лежавшее на камнях.

Тогда появился Гриффо. На бледном лице играл румянец, лоб вспотел.

– Что с ним? – обронил.

– Если умрет – умрет, а если выживет – будет жить, – припомнил я шуточку, что слышал когда-то от жаков медицинской школы. Хотя, Бог свидетель, было мне не до смеха, поскольку мои полторы тысячи как раз лежали и подыхали.

– Я приглашу медика из Равенсбурга, – пообещал снова побледневший Фрагенштайн. – Тотчас велю за ним послать.

– А что там, ваша милость, с молодым? – негромко и опасно спросил стражник.

– Упал с лестницы, – холодно сообщил Гриффо. – И так неудачно, что размозжил себе череп.

Мужчина громко сглотнул, а я подумал, что быть подчиненным Фрагенштайна – и вправду тяжелый хлеб. Не то чтобы мне нравилась беспричинная жестокость стражника, но суровость наказания от Гриффо, скажу так, застала меня врасплох. И по одному этому было видно, насколько сильно его положение в городе: он мог позволить себе безнаказанно забить до смерти человека. Причем не первого попавшегося нищоброда – городского стражника.

В тюрьме не было лазарета. Я подумал еще, что мы, инквизиторы, лучше заботимся об узниках. Впрочем, нам чаще требуется привести их в порядок для дальнейших допросов. Смерть обвиняемого под пытками или из-за плохого содержания суть признак некомпетентности. Ибо, во-первых, исчезает доступ к информации, которую мог бы нам дать допрашиваемый, а во-вторых, задача инквизиторов не замучить, но – даровать шанс на избавление и на очищение мыслей от скверны ереси. И поверьте, я сам видел многих обвиняемых, которые со слезами на глазах благодарили инквизиторов за то, что позволили им сохранить надежду на жизнь вечную при небесном престоле Господа. А цена в виде ужасной боли от пытки и огненной купели костра казалась им более чем справедливой.

В случае Клингбайля, однако, речь шла не о пытках. Этот человек был изможден, ослаблен, болен и иссушаем горячей. Потому для него нашли комнату с кроватью, а я приказал стражникам принести ведро теплой воды, бандажи да вызвать медика (ибо я не хотел терять время, ожидая призванного Гриффо врача, который попал бы сюда не раньше чем через пару дней). Пока медик добирался, я омыл лицо Захарии. И то, что увидел под коркой грязи, очень мне не понравилось.

Медик, как всякий медик, был самонадеянным и уверенным в собственной непогрешимости. Кроме того, судя по истощаемым винным парам, стражники вытащили его из какой-то корчмы.

– Этому человеку уже ничто не поможет, – заявил он авторитетным тоном, едва взглянув на лицо Клигбайля.

– Не думаю.

– А кто же вы такой, чтобы не думать? – спросил медик, иронически подчеркивая мои слова

– Всего лишь простой инквизитор. Но я обучен начаткам анатомии, хотя знание мое, конечно же, не сравнимо с вашим светлым умом, доктор.

Медик побледнел. И еще мне показалось, что моментально протрезвел.

– Прошу прощения, мастер, – проговорил он уже не просто вежливо, но почти униженно. – Однако взгляните сами на эту чудовищную воспаленную рану. Взгляните на эту гниль. Понюхайте!

Не было нужды приближаться к Захарии, чтобы почувствовать тошнотворную вонь гниющего тела. Может ли что-то быть страшнее, нежели разлагаться живьем в смраде гноя, сочащегося из ран?

– Я могу вырезать больную ткань, но, Бог свидетель, поврежу при этом нервы! По-другому не удастся! А если и получится, то будет это Божьим чудом, а не лекарским искусством! А вообще-то даже это не поможет...

– Не поминайте всуе имя Господа нашего, – посоветовал я, и медик побледнел еще сильнее.

Конечно, он был прав. Левая щека Клингбайля представляла одну воспаленную, нагноившуюся, смердящую рану. Оперировать его было можно. Но неосторожное движение ланцета могло привести к параличу лица. Да и никогда ведь не ясно, вся ли пораженная ткань удалена – а если она осталась, то пациент все равно умрет. А этот пациент стоил полторы тысячи крон!

– Я слышал, – начал я, – об одном методе, к которому прибегают в случаях, когда человеческая рука уже ничем не может помочь...

– Думаете об истовой молитве? – подсказал он быстро.

Я окинул его тяжелым взглядом.

– Думаю о личинках мясоедных мух, – пояснил. – Положить их в рану – и они выжрут только больную ткань, оставив здоровое тело в неприкосновенности. Сей метод еще в древности использовали медики римских легионов.

– Римляне были врагами Господа нашего!

– И как это касается дела? – пожал я плечами. – У врагов тоже можно учиться. Разве мы не пользуемся банями? А ведь придуманы они именно римлянами.

– Я не слышал о подобном отвратительном методе, – нахмурился медик.

Я имел смелость предположить, что говорит он о личинках мясоедных мух, не о банях, хотя одежда его, а также чи-

стога рук и волос указывали, что медик не слишком часто пользовался благами стирки и купели.

– Значит, не только услышите, но и опробуете, – сказал я ему. – Итак, к делу! И живо, этот человек не может ждать!

Он одурело взглянул на меня, что-то пробормотал и выскочил из комнаты. Я же посмотрел на Захарию, который лежал в постели, казалось, совершенно безжизненно.

Я подошел, стараясь не дышать носом. У меня тонкое обоняние, и ежедневные труды вместе с инквизиторскими повинностями ничуть его не притупили. Можно было подумать, что мой нос уже привык к смраду нечистот, вони немых тел, фетору гниющих ран, зловонию крови и блевотины. Ничего подобного: не привык.

Я приложил ладонь к груди Клингбайля и услышал, как бьется его сердце. Слабо-слабо, но бьется. К счастью моего нанимателя, тот не видел сейчас сына. Мало того что у Захарии почти сгнила одна щека, а вторая была покрыта ужасающими шрамами, так и все тело его исхудало настолько, что ребра, казалось, вот-вот проткнут пергаментную, влажную и сморщенную кожу.

– Курносая, – сказал я. – Выглядишь, словно курносая, сынок.

И тогда, хотите верьте, хотите нет, веки человека, который казался трупом, приподнялись. Или уж, по крайней мере, открылся правый глаз, не заплывший.

– Курнос, – пробормотал несчастный едва слышно. – То-

гда уж – Курнос.

И сразу после этого глаза снова закрылись.

– Вот и поговорили, Курнос, – пробормотал я, удивляясь, что в том состоянии, в котором был, он сумел очнуться, пусть даже на столь короткое время.

* * *

Купец принял меня у себя в доме, но пошел я туда лишь в сумерках, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Не заметил, чтобы за мной следили, хотя, конечно, нельзя было исключать, что кто-то из слуг Гриффо присматривал за входящими и выходящими из дома Клигбайля. Но я и не думал скрываться, поскольку разговор с отцом жертвы колдовства – обычное дело во время расследования.

– Откровенно говоря, господин Клигбайль, я не понимаю. Более того, готов признаться: не понимаю ничего.

– О чем вы?

– Гриффо ненавидит вашего сына. Однако он не протестовал против заключения и не стал требовать казни...

– Уж и не знаю, что хуже, – перебил меня купец.

– Хорошо. Допустим, горячая ненависть сменилась в его сердце холодной жаждой мести, каждый миг которой можно будет смаковать. Он хочет видеть врага не на веревке, а гниющим в подземелье. Страдающим не пару мгновений, но годы и годы. Но как тогда объяснить, что Гриффо забил до

смерти стражника, который ранил вашего сына? Что за свои деньги пригласил известного медика из Равенсбурга?

– Хотел понравиться вам, – пробормотал Клингбайль.

– Нет, – покачал я головой. – Когда он узнал, что сын ваш избит, действительно пришел в бешенство. Причем «пришел в бешенство» – это слабо сказано. Он избил стражника. Хладнокровно, палицей, словно пса...

– Если хотите вызвать у меня сочувствие – зря, – снова пробормотал купец.

– И не думаю вызывать у вас сочувствие, – пожал я плечами. – Но обратимся к фактам.

– Говорите.

– Я узнал кое-что еще. Захарии давали больше еды, чем остальным узникам. Это кроме того, что ежемесячно к нему приходил медик. Смею предположить, что кто-то хотел, дабы ваш сын страдал, но в то же время кто-то не желал, дабы он умер. И мне кажется, это один и тот же «кто-то».

– Цель? – коротко он спросил меня.

– Именно. Вот в чем вопрос! Что-то мне подсказывает: здесь нечто большее, чем просто желание наблюдать за страданиями и унижением врага. Ведь приходится учитывать, что вы сможете добиться помилования для сына. Вы писали в императорскую канцелярию, а всякому известно, что Светлейший Государь столь великодушен...

Светлейший Государь совершенно не имел ничего общего с помилованиями, поскольку все зависело от его мини-

стров и секретарей, подкладываявших документы на подпись. Впрочем, все были немало наслышаны и о нарочитых проявлениях императорского милосердия. Несколько лет назад он даже приказал выпустить всех узников, осужденных за малые провинности. Тот акт милосердия, правда, не отразился бы на Захарии, но свидетельствовал об одном: Гриффо Фрагенштайн не мог быть уверен, что однажды в Регенвальд не придет письмо с императорской печатью, приказывающее освободить узника. И сопротивляться императорской воле тогда будет невозможно. Разве что дерзкий бунтовщик захочет поменяться с Захарией местами и самолично оказаться в нижней башне.

– Люди глупы, господин Маддердин. Не судите о всех по себе. Не думайте, что они руководствуются рассудком и просчитывают все наперед...

Эти слова слишком напоминали предостережение, которое озвучил перед моим отъездом Хайнрих Поммель. И наверняка имели смысл. Но я уже встречался с Гриффо Фрагенштайном. Он был богатым купцом, известным своими удачными и прибыльными операциями. Такие люди не зарабатывают состояние, если не просчитывают все наперед и не анализируют того, что происходит сейчас. Об этом я и сказал Клингбайлю.

– Трудно с вами не согласиться, господин Маддердин. Но я так и не понимаю, к чему вы ведете.

– Захария нужен Гриффо живым. Измученным, страдаю-

щим, пусть даже слегка не в себе, но несмотря ни на что – живым. Для чего?

– Вот вы мне и скажите, – буркнул он нетерпеливо. – Я ведь именно за это плачу.

Я покивал.

– И познаете истину, и истина сделает вас свободными⁷, – ответил я словами Писания, подразумевая, что, когда узнаю истину, сын Клингбайля сможет утешаться свободой.

Купец понял меня. Сказал:

– Пусть вам Бог поможет.

– Господин Клингбайль, я пока что занимался вашим сыном. К счастью, нынче он в безопасности, и не грозит ему ничего, кроме болезни, с которой, надеюсь, он справится. Теперь же пришло время заняться кое-кем другим. Что вы знаете о сестре Гриффо?

– О Паулине? Здесь все всё знают, господин Маддердин. И наверняка все рассказали бы вам то же самое. Упрямая, словно ослица, пустая, словно бочка для солений. Презирала тех, кто не был ей полезен. Никого не уважала, а ноги раздвигала перед каждым, кто приходился ей по вкусу.

– Ну, все это мне известно. – Я усмехнулся. – Как долго ваш сын с ней встречался. Любил ли ее?

– Любил, – ответил купец, поразмыслив. – Знал обо всем, но любил.

– Он захотел остаться с нею, даже, возможно, жениться,

⁷ Иоан. 8:32.

она не согласилась – и тогда он ее зарезал. Что скажете?

– Вы должны защищать моего сына или обвинять? – взглянул на меня хмуро Клингбайль.

– Я должен установить правду, – смиренно напомнил я ему. – Кроме того, он сам во всем признался. Так?

– «Признался»! – фыркнул Клингбайль. – Хороший палач заставит допрашиваемого признать, что тот – зеленый осел в розовую крапинку!

– Хорошо сказано! – рассмеялся я шутке и подумал, что обязательно ее запомню. Но тотчас сделался серьезным. – Вашего сына не пытали. Более того... Он рассказал обо всем и признался по собственной воле.

– Нет, – сказал купец жестко и решительно. – Никогда в это не поверю.

– Подожду, пока он придет в себя, – и спрошу его. Только не знаю, изменит ли это хоть что-то. Были у нее друзья? – вернулся я к Паулине. – Может, поверенная в сердечных делах?

– Она не любила людей, господин Маддердин, – покачал головой Клингбайль. – Не слышал я ни о ком подобном. Только Гриффо был с ней действительно близок. И люди болтали об этих двоих разное...

– Ах-х, вот так дела, – бормотнул я про себя.

Кровосмешение было грехом и преступлением, может, и не повсеместным, однако то и дело из разных краев доходили слухи о родственниках, что жили как мужья и жены, об

отцах, что соблазняли дочерей. Не говоря уже о грешных отношениях, что связывали двоюродных братьев и сестер, или о забавах отчимов с падчерицами, мачех с пасынками. Порой такие связи карались смертью, порой хватало порки и публичного покаяния. Но Гриффо и Паулину, рожденных от одного отца, могли публично судить и повесить, если бы их грешные отношения оказались раскрыты. В том случае, конечно, если кровосмешение действительно имело место, а не было всего лишь выдумкой завистников и очернителей.

– У них был общий отец, верно?

Клингбайль покивал.

– А мать? Где ее мать?

– Шлюха шлюху родила, – скривился он. – Граф путешествовал с миссией от Светлейшего Государя к персидскому шаху. Год его не было, и привез младенца. Мать умерла во время родов.

– Персиянка?

– Дьявол ее знает! Может, и так, – добавил он, подумав. – Паулина была смуглой, черноволосой, с огромными темными глазами. Нравилась, потому что таких женщин у нас мало...

– Значит, думаете, Гриффо убил сестру из мести – за то, что изменяла ему с вашим сыном?

Он понуро кивнул.

– Нет, господин Клингбайль, – пришлось мне развеять его подозрения. – Фрагенштайн в тот день был на прие-

ме, организованном купеческой гильдией из Миштадта. Есть несколько десятков свидетелей. А учитывая, что он держал там речь, трудно предположить, будто его просто плохо запомнили...

– Нанял убийцу.

– Поверяя кому-то тайну, поверяешь ему собственную жизнь, – ответил я пословицей. – Не думаю, чтобы он был настолько безрассуден.

– Ступайте уж, – раздраженный Клингбайль взмахнул рукой. – Я ошибался, когда полагал, что вы ведете дела честно.

– Следите, чтобы не сказать того, о чем после пожалеете. – Я поглядел на него – и он смешался.

– Простите, – вздохнул через минуту и подпер голову кулаками. – Сам не знаю, что делать.

– Так я вам расскажу. Поставьте при сыне доверенного человека. Пусть дежурит у его кровати день и ночь. И пусть это будет тот, кто не побоится применить оружие.

– Полагаете, что...

– Ничего не полагаю. Но знаю, что Бог помогает тем, кто в силах сам себе помочь.

* * *

Следующие три дня прошли в безделье. Я посещал Захарию, дабы следить за результатами лечения, и познакомился с медиком из Равенсбурга, худым быстрым стариком, кото-

рый похвалил предложенный мною метод.

– Отшень корошо, отшень корошо, – похлопал меня по плечу. – Такой молотой, а в колофе уше кое-што есть.

Вообще-то я не люблю прикосновений чужих людей, но на этот раз лишь усмехнулся, поскольку в столь фамильярном жесте фамильярности-то на самом деле и не было – только признание старшего, более опытного человека, который увидел во мне не инквизитора, а едва ли не коллегу по ремеслу.

– Полагаете, выживет?

– А-а, это уше софсем трукое тело, – ответил, – поскольку, как коворит нам опыт, таше примененные фофрема просе-туры не фсекта спасают пациента. А стесь все сашло слиш-ком талеко...

Я взглянул, как толстые личинки копошатся в ране, и от-вернулся.

– Красивым он уж точно больше никогда не будет.

– Мое сатание утершать в нем шиснь, а не тумать о его красоте, – махнул рукой старик. – Но што прафта – то праф-та.

Также Захарию опекали – по очереди – двое людей Клинг-байля (эти казались дельными ребятами, которые повидали всякое), а еще девка-служанка, которая знала толк в уходе за больными; я видел, как умело она кормит не очнувшегося Захарию жирным супчиком и с какой сноровкой меняет нечеловечески воняющие повязки.

Наконец на четвертый день сын купца пришел в сознание

настолько, что я решил задать ему несколько вопросов. Приказал всем покинуть комнату.

– Я помогаю твоему отцу, Захария, – сказал. – Зовут меня Мордимер Маддердин, и я – инквизитор из Равенсбурга.

– Значит, вы все же знаете? – прошептал он.

– Знаю, – ответил я, понятия не имея, о чем речь. – Но ты должен все рассказать мне сам.

Я видел, что он хотел покачать головой, но сил не хватило. Только прикрыл глаза.

– Убьет... отца, если расскажу...

Я услышал лишь две фразы из его уст, а уже знал, что дело может оказаться действительно серьезным. Ведь, во-первых, Захария дал знать, что присутствие инквизитора не кажется ему странным, во-вторых, ясно указал, что до сей поры не говорил правду, поскольку угрожали смертью его отцу. Главным образом заинтересовала меня первая проблема. Почему молодой Клингбайль посчитал участие инквизитора в следствии нормальным?

– Никто не причинит ему зла, – пообещал я, четко проговаривая слова. – А Паулина, – добавил, – не была той, кем казалась, верно? – я стрелял наугад, но, видимо, попал, поскольку глаза его сузились. Он тяжело засопел, потом застонал – как видно, заболела рана.

– Я должен был ее убить. – Захария смотрел мертво куда-то в закопченный потолок.

– И тебя нельзя за это винить, учитывая... – Я ждал, что

он скажет.

– Верно. А Гриффо все знал... – Его голос сделался таким слабым, что мне пришлось склониться над кроватью и едва ли не прижаться ухом к его губам.

– Знал ее тайну?

– Угрожал... убить отца...

– Убить, если расскажешь обо всем, что узнал? Верно?

Захария только прикрыл глаза, безмолвно со мной соглашаясь. Я был уже так близок. Очень близок – и не мог выпустить из пальцев кончик этой нити, благодаря которой надеялся пройти лабиринт.

– Ты всего лишь уничтожил зло, Захария, – сказал я. – Потому что видел именно зло, верно?

Он снова прикрыл глаза.

Этот разговор тянулся до тех пор, пока я не узнал все, что случилось в тот вечер. И признаюсь честно, не надеялся, что простое на первый взгляд следствие заведет меня так далеко. Пытался вообразить, что чувствовал молодой Клигбайль, обнимая, целуя и прижимая ту девку. Что чувствовал, занимаясь с ней любовью, слушая ее стоны, ощущая в руках ее нагое тело и ноги, обхватывавшие его бедра? О чем думал, видя, как глаза любимой становятся ядовито-желтыми и превращаются в щелочки? Когда почувствовал на щеках укусы острых, словно бритва, клыков? Не поддался страху, не позволил себя разорвать. Потянулся за кинжалом. Рубил, резал, колол. Долго, пока не замерла в его объятиях. А мертвой сно-

ва стала всего лишь красивой девушкой с ангельским личиком. Наверняка он решил, что сошел с ума или был околдован. Решил бы – когда бы не тот факт, что Гриффо поговорил с ним наедине и пригрозил: если Захария кому-нибудь расскажет о тайне Паулины, то никогда больше не увидит своего отца живым. И молодой Клигбайль признался во всем и молчал. Я мог только искренне удивляться силе его духа, что позволила вынести все страдания.

Я оставил его вымотанным разговором и знал, что должен найти ответы на несколько вопросов. И главнейший из них звучал так: отчего Фрагенштайн не приказал казнить убийцу своей сестры? Отчего так истово старался сохранить ему жизнь?

* * *

Я и не думал рассказывать старому Клигбайлю то, что услышал. Когда придет время – узнает обо всем. Пока я раскрыл лишь, что Фрагенштайну будет вынесено официальное обвинение от лица Святого Официума.

– Мне нужны люди, – сказал я. – Могу послать за моими товарищами в Равенсбург, однако предпочел бы решить все быстро. Еще сегодня.

– Но вы ведь инквизитор.

– Верно. И если сумеете рассказать, как мне пробраться в дом Гриффо и победить его стражу, я, несомненно, восполь-

зуюсь вашим советом. Мне потребуются несколько человек с молотами и ломami. Я видел двери усадьбы Фрагенштайнов и не хотел бы провести под ними всю ночь, взывая, дабы мне отворили. А Гриффо способен на все. Убежит не колеблясь, но так же без колебаний убьет меня – если только дам ему такой шанс. А я – ради ваших двух тысяч крон – намереваюсь жить, но вовсе не умереть за них.

Клингбайль покивал.

– Я заметил, что вы подняли цену. Но я человек честный и люблю своего сына. Поэтому дам столько, сколько вы просите. Хотя... – Он чуть повысил голос: – Мог бы уже и ничего не давать, верно?

Я задумался над его словами. После всего, что стало мне известно, я был связан долгом инквизитора: не мог выехать из города, не допросив брата Паулины и не завершив расследования.

– Могли бы, – кивнул я.

– Вы получите свои деньги, – пообещал он. – А те дополнительные пятьсот крон – моя награда за голову Гриффо.

– Ее вы не получите.

– Я – нет. Но мне будет достаточно самой мысли, что вы занимаетесь им с характерной для Святого Официума старательностью. – Он усмехнулся мечтательно. – Ах, я дам вам даже кое-что более ценное, нежели деньги, господин Маддердин. Дам вам письма к моим партнерам по делам, чтобы с этого момента они знали – вы друг друзей.

– Это весьма щедрая награда, – сказал я. – Следует признаться, что с вами приятно иметь дело, господин Клингбайль.

– Но помните об одном, господин Маддердин. Не меняйте правил во время игры. Вы еще молоды, и я прощу вам запальчивость при торговле. Но уж поверьте: наиважнейшее сокровище, которое только может быть на свете, – это доверие. Как только станет известно, что вы злоупотребляете им, – утратите все.

Я поразмыслил над его словами.

– Надеюсь, вы не зря потратите средства, – сказал. – В конце концов, полторы тысячи огромная сумма.

– Пятьсот добавлю как премию, – ответил он. – От чистого сердца.

В следующие два часа купец, как я и просил, отыскал для меня шестерых здоровяков, вооруженных молотами, секирами и ломami. Согласно закону и обычаю, я привел их к присяге как временных функционеров Святого Официума. Не сомневался – будет им что рассказывать до глубокой старости. Но решил, что неплохо бы подпустить в их будущие рассказы нотку драматизма. Сказал:

– С этого момента, как временные функционеры Святого Официума, вы подпадаете под юрисдикцию Инквизиториума.

Они не поняли меня. В моей речи было слишком много слов настолько длинных, что, пока их произнесешь, можно

выпить кружку пива. Поэтому я решил объяснить им все с помощью понятных слов.

– Если не выполните приказы, будете убиты. Кому повезет – сразу. Кому не повезет – после допросов.

Ухмылки их погасли, как срубленные саблей фитильки свечей. Именно на такую реакцию я и рассчитывал – и был доволен, что не ошибся.

– Вперед, господа, – приказал я им.

* * *

Выступая против Гриффо Фрагенштайна, я действовал согласно закону. Но понимал: истовые блюстители порядка при желании сочли бы мои поступки не лишенными ошибок. Например, сперва я должен был сопоставить показания Гриффо с показаниями Захарии. Действительно ли больной узник говорил правду? Может, он лишь свято верил в собственные слова, которые родились из бреда, вызванного горячкой и болезнью? Но даже если я поверил сыну Клигбайля, все равно сперва должен был отправиться к бургомистру и начать официальное дознание.

Отчего я так не сделал? Ну, во-первых, я верил в правдивость показаний Захарии. И вовсе не оттого, что был человеком наивным, легковерным и добродушным (хотя мы, инквизиторы, и суть бальзам на ранах мира сего). Я верил его словам, ибо истинный Слуга Божий обязан доверять интуи-

ции, полагая, что она – истинный дар Господа. Во-вторых, я знал, что предвзятость бургомистра и неторопливость административных процедур приведут лишь к тому, что Гриффо получит время на противодействие. Я не нарушил закон, а лишь немножко прогнул его под себя. Но вот если бы Фрагенштайн оказался честным обывателем, а признания Захарии – бредом сумасшедшего, то – Боже, смилостивься над бедным Мордимером.

Владения Фрагенштайна охраняла калитка в каменной стене, хватило всего нескольких ударов тяжелыми молотами, чтобы расчистить нам дорогу. Но я знал, что с входными дверьми будет куда сложнее. Когда гостил здесь впервые, я заметил, насколько они солидны – сделанные из толстенных балок, укрепленных железом. Да и окна на втором этаже – очень высоком втором этаже – закрывали на ночь, притворяя крепкие ставни. Здесь следовало применить сообразительность, а не слепую силу. Поэтому я взял колотушку и постукал. Раз, второй, третий. Наконец изнутри раздались шаги.

– Чего? – Голос был сонный и крайне недовольный.

– Именем Святого Официума, открывай! – закричал я.

Воцарилась тишина. Я не думал, будто тот, за дверью, решил, что это чьи-то глупые шутки. Попытка выдать себя за функционера Инквизиториума карается кастрацией, сдиранием кожи и сожжением на медленном огне. В связи с означенным выше фактом такие отважные шутники встречаются крайне редко.

– Я спрошу у моего господина. – На этот раз голос уже не был ни заспанным, ни недовольным.

– Если не отворишь двери, будешь обвинен в соучастии в заговоре, – сказал я громко. – Будешь подвергнут пытке и сожжен!

Я дал ему минутку, чтобы осознал значение моих слов.

– Считаю до трех, после чего прикажу выбить двери, – предупредил его. – У тебя есть семья, парень? – спросил я ласковым тоном и скомандовал: – Раз!

Услышал скрип отворяемых засовов. Усмехнулся.

– Два!

Двери заскрипели.

– Три!

Напротив стоял седобородый и седовласый мужчина – стоял и с нескрываемым испугом всматривался в меня. Я переступил порог.

– Бог с тобой, добрый человек, – похлопал я его по плечу. – Проведи-ка меня к господину Грифффо.

– Но господин теперь спит... – простонал.

– Разбудим его, – пообещал я ласково и слегка подтолкнул. – Веди, – приказал.

Фрагенштайн должен был нас услышать. Может, стук в дверь, а может, еще раньше, когда выбивали калитку. Так или иначе, он собрал вокруг себя некоторое число слуг (я слышал громкие голоса) и забаррикадировался с ними в комнатах второго этажа. Я знал, что они могут там оборо-

няться довольно долго, был также уверен, что Гриффо сумел уже отправить кого-то за помощью. Может, к бургомистру, а может, к отцу. Городская власть не смогла бы сделать ничего, а вот если бы граф прислал отряд солдат... Теоретически они должны были тотчас перейти под руку Официума, но практически их прибытие означало бы серьезные проблемы. А я не хотел проблем в этой и так уже не самой простой ситуации. Утешало одно: Фрагенштайн, сопротивляясь, подтвердил свою вину. Поскольку человек, у которого совесть чиста, принимает инквизиторов с сердечной улыбкой на устах. А не убегает тайным ходом, прячась за вооруженными слугами.

– Гриффо Фрагенштайн, – заорал я. – Именем Святого Официума требую отворить дверь!

И я сделал это вовсе не для того, чтобы переубедить хозяина. Он ведь знал, с кем имеет дело. А вот своим людям мог рассказать, что на него напали грабители или банда, нанятая кем-то из конкурентов. Даже мирных людей можно склонить к сопротивлению неизвестным нападающим. И намного сложнее склонить их к сопротивлению инквизиторам. Из-за дверей послышался ропот нервных голосов.

– За выдачу Гриффо Фрагенштайна назначена внушительная награда, – сказал я громко.

И не обманывал их. Тот, кто выдаст своего господина, будет благословен во время святой мессы, и мы станем искренне молиться за его прощение. Разве есть награда большая?

Гомон голосов из-за дверей перешел в шум драки.

– Таран сюда! – Я громко отдавал приказы. – Живьем никого не брать! Лучников – под окна!

Теперь укрытие Гриффо напоминало гнездо рассерженных шершней.

– Открыва-а-аем! – донесся до меня отчаянный крик. Я надеялся именно на такое решение, и интересно мне было одно – где сам Фрагенштайн.

Отодвинули запор, и я шагнул внутрь. В комнате было шестеро мужчин. Здесь они могли бы обороняться едва ли не вечно, разве что мы взяли бы их огнем или голодом. Они же покорились самому звуку слов «Святой Официум». Сейчас все стояли на коленях под стеной.

– Господа, поднимитесь, – попросил я ласково. – Ведь никто не обвиняет вас в грехах вашего принципала. Скажите мне только одно: куда он делся?

Ответом было молчание.

– Ну что же, – сказал я. – Хотел быть вежливым. Но раз так...

Дал знак моим людям, те схватили одного из слуг Фрагенштайна. Бросили его на пол, выкрутили руки назад.

– Заткните ему рот, – приказал. Потом взял его правую ладонь в свою руку.

*– Сорока-воровка
Кашу варила,
Деток кормила:
Этому дала в горшочке,*

*Этому в котелочке,
Этому в мисочке,
Этому на ложечке,*

– проговорил я.

На слове «горшочек» сломал ему мизинец, на «котелочке» – палец безымянный, на «мисочке» – средний, а на «ложечке» – указательный.

Признаюсь, что идея совместить пытку с детским стишком пришла мне в голову неожиданно. Когда-то я слышал о человеке, которого называли Веселым Палачом из Тианнона: тот допрашивал людей и при этом радостно напевал песенки. И говорят, что не строгость пыток, а именно эти песенки сильнее всего пугали жертв. Я попытался применить сходный способ, поскольку ответ на вопрос, куда делся хозяин, был мне необходим быстро. Очень быстро. Ибо – кто знает, не выстроил ли Гриффо секретный подземный ход, что вел в сад, а то и за границы имения? И кто знает, не убежал ли он прямо сейчас этим ходом? А тогда – ищи ветра в поле.

– Ну, ладно, теперь вторую руку, – приказал я. – Впрочем, погодите-ка, – прибавил в нарочитой задумчивости. – Он, кажется... кажется, хочет что-то сказать. Отпусти-ка.

Человек, которого я пытал, спазматически хватал воздух. Слезы лились из глаз едва ли не ручьем.

– Эй, мальчики не плачут, – похлопал его по щеке. – Говори!

– Пропа-а-ал за-а-а стено-о-ой! – прорыдал он. – Богом клянусь...

– Никто не пропадает за стеной, – оборвал я его. – Вторую руку!

– Молю! Не-е-ет!

Я должен был оборвать эти вопли – и он рухнул к моим ногам кучей тряпья.

– Следующего! И на этот раз начнем с выковыривания глаз.

Следующий оказался человеком рассудительным и был очень привязан как к левому, так и к правому глазу.

– Здесь... тайная... дверь... – простонал он прежде, чем кто-нибудь успел до него дотронуться. – Нужно только нажать!

И верно, в месте, на которое он указал, был сооружен тайный ход. Я заглянул туда. Вниз вели деревянные ступеньки. Я приказал связать пленных, взял канделябр и двинулся вниз.

Как я и предполагал, тайный коридор вел в сад, а выход находился под шатром веток раскидистой ивы. Но в этом я убедился несколько позже, поскольку Гриффо пока что и не думал убегать. Он метался по библиотеке и поспешно складывал тома в большой сверток. Если бы не эта жадность, достойная сожаления, или же – тут как кто захочет – не чрезмерно большая любовь к книгам, то он наверняка успел бы дать деру.

Увидев, как я вбегаю в комнату, Гриффो метнул кинжал. Очень умело, быстро и со знанием дела, которое выдавало немалый опыт. Я не сумел уклониться, и острое воткнулось мне в грудь.

– Мой Бог, насколько я был предусмотрителен, – сказал я, стряхивая нож, что застрял в кольцах кольчуги.

Фрагенштайн яростно ругнулся и побежал к дверкам, что были рядом с библиотечным шкафом. Недолго думая, я подхватил стул и метнул в Гриффо. Это была солидная мебель. Дубовая, резная, тяжелая. Стул ударил его прямо в спину. Я же подбежал и пнул лежавшего ногой в живот, а когда тот согнулся, добавил по почкам. Он заскулил.

– А ведь вы у нас адепт темных искусств, – сказал я, внимательно осматриваясь. – Так-так... Кто бы мог подумать.

Гриффо отер лицо от крови и смотрел на меня взглядом крысы, загнанной в угол подвала. Но это была все еще опасная крыса, милые мои, и я знал, что должен следить, как бы он не вцепился мне в горло.

Я взглянул на книжки, что лежали на столе, взял первую попавшуюся. Открыл и присвистнул.

– Знаете персидский? – спросил.

– Персидский, арабский и еврейский. – В его голосе я не слышал ни злости, ни страха. Или он уже смирился с судьбой, или же надеялся на счастливую ее перемену. – Греческий с латынью – тоже, – добавил.

– Ну-ну, – сказал я с непритворным удивлением. – Вы вы-

дающийся человек, господин Фрагенштайн. Не просто удачливый купец, но еще и ученый, а к тому же – знаток тайных искусств.

Наверное, он не ожидал, что инквизитор станет рассылаться в комплиментах, поскольку взглянул на меня с удивлением. А чего ожидал? Что я с криком начну кадить в комнате, окроплять все вокруг святой водой и читать молитвы?

– Поясните мне, если не трудно, какова была цель всего этого? – повел я рукой.

– Я нашел заклинание, которое могло возвратить Паулину, – сказал он. – Было только одно условие...

– Жизнь ее убийцы, – договорил я за него.

– Именно!

– Потому-то вы и не позволяли Захарии умереть, – кивнул я. – Хотели в должное время принести в жертву. Издевались над ним, но следили, чтобы издевательства не повлекли за собой смерть.

– Конечно! И теперь я кое-что вам скажу, господин Маддердин. – Он глянул на меня лихорадочно. – Позвольте мне завершить обряд. Что вам за дело до сына какого-то купчишки? Сколько он вам заплатит? Я дам вдсятеро! Стократ больше, если того пожелаете. Отдам вам все, что имею. Все, что у меня есть. Сами эти книги стоят много, а есть у меня еще и золото, и недвижимость... Если будет необходимо, отец...

Я оборвал его, подняв ладонь.

– Это лишь тлен, – сказал. – Ничего не стоящий, как и ваша жизнь... Черные плащи не предают, господин Фрагенштайн.

Должен, впрочем, признаться, что удивился глубине его чувств. Он готов был отдать мне все, чем обладал, лишь бы воскресить любимую. Однако это вот «все» означало теперь очень и очень мало. Но в том не было уже его вины.

Многие ли инквизиторы на моем месте воспользовались бы таким щедрым предложением? Не знаю, хотя надеюсь, что немногие, а быть может, и никто. Однако и среди нас встречаются козлища, что больше ценят тленные радости, нежели святые принципы веры. Но как я мог заключить союз с чернокнижником, а затем славить Господа теми же устами, которые согласились на такой подлый торг?

Гриффо потянулся к голенищу сапога. Не слишком быстро. Точным пинком я выбил стилет, когда Фрагенштайн уже готов был воткнуть его в свою грудь.

– Даже умереть не даете! – взревел он и снова скорчился в углу.

– Дадим, – невозмутимо пообещал я. – Но лишь когда сами этого пожелаем.

* * *

– Мордимер Маддердин, инквизитор? – спросил встав-

ший на дороге человек.

– А кто спрашивает?

Без слов он вытащил из-за пазухи документы и подал мне. Я же внимательно прочел те бумаги. Мужчина имел ни много ни мало охранные грамоты, подписанные аббатом монастыря Амшилас – человеком, о котором говаривали, что он более силен, чем папа, кардиналы и епископы, вместе взятые. Именно в подземельях Амшиласа допрашивали самых закоренелых и опасных отступников, именно там собирали и изучали тысячи запретных книг.

Я проверил печати и подписи. Они казались аутентичными, а поскольку нас, выпускников Академии Инквизиториума, учили распознавать фальшивки, я почти не сомневался в их подлинности.

Я отдал документы собеседнику.

– И чем могу вам служить?

– Я забираю твоего обвиняемого, Мордимер, – ответил он. – А ты держи язык за зубами.

– И как вы это себе, собственно, представляете? – спросил я со злостью. – Что я должен буду сказать главе отделения Инквизиториума? Что птичка выпорхнула?

– Хайнрих Поммель будет обо всем проинформирован, – ответил человек в черном. – Еще вопросы?

– Конечно, – сказал я твердо, и он глянул на меня. Во взгляде этом я не различил ничего, кроме безразличной отстраненности, но был уверен: на самом деле он удивлен, что

я, не колеблясь, его остановил. – У меня есть причины подозревать, что граф Фрагенштайн знал, кем была его любовница, и знал, что от этой связи родился дьявольский помет.

Человек в черном приблизился ко мне.

– Опасно обвинять аристократа и императорского посла.

В его голосе не было угрозы. Только исключительно констатация факта.

– Опасно скрывать правду, словно она прокаженная шлюха, – сказал я.

К моему удивлению, он усмехнулся уголками губ. В пустых глазах блеснула искорка.

– Граф Фрагенштайн уже не в нашей власти, – сказал он. – Вчера с ним произошел несчастный случай. Граф утонул в реке.

– И тела не нашли, верно? – спросил я, поразмыслив.

– Это река с быстрым течением и илистым дном. Что-нибудь еще?

Он даже не стал ждать ответа и быстрым шагом направился к моему арестанту. Из тени вышли двое других мужчин (и как я мог не заметить их раньше?), двинулись за ним. Были одеты в такие же черные кафтаны и черные плащи. Являлись ли инквизиторами? Я не видел на них серебряного сломанного распятия – знака нашей профессии. Но ведь и я нечасто надеваю официальную форму функционера Святого Официума.

Я мог быть уверен лишь в одном. В монастыре Амшилас набожные монахи выдают из Гриффо Фрагенштайна каждую мыслишку, все его знания, до последней крупички. Он станет распахнутой книгой со страницами, полными хвалебных гимнов Богу. Будет умирать, зная, что мрачное знание, которое изучал, поможет Слугам Божьим находить, узнавать и карать отступников – таких, как и он сам.

* * *

Минула неделя с того дня, как я прибыл в Регенвальд. И настало время прощаний. Я получил плату от благодарного Матиаса Клингбайля и приготовился к путешествию. Когда выводил коня из конюшни, почувствовал тошнотворную вонь – словно от гниющего тела. Повернулся и увидел шаркающего в мою сторону Захарию. Он выглядел пугающе не только оттого, что часть лица его была изодрана старыми шрамами (работа прекрасной Паулины), но и из-за огромной, едва-едва зажившей раны, что шла от угла глаза до подбородка и уничтожила всю щеку. Я знал, что всегда, вспомнив о нем, припомню и роящихся в ране мушиных личинок, которые выгрызали из его тела мертвую ткань. Но более всего я был удивлен, что он так быстро встал на ноги. Двигался все еще с трудом, но по всему было видно, что у него железный организм.

– Чего тебе, парень? – спросил я.

– Пойду с тобой.

– Зачем?

Он пожал плечами.

– А зачем мне оставаться? – ответил он вопросом на вопрос. – А тебе пригожусь...

По правде говоря, будущее Захарии в Равенсбурге вряд ли было бы таким уж беззаботным.

– А отец?

– Я ему только помешаю, – буркнул он. – Пусть лучше люди обо мне забудут. Я попросил его о двух конях, деньжатах, сабле, – хлопнул он себя по бедру, – и одежде.

И все...

– Ну раз так... – Я пожал плечами. – Будь у ворот, когда прозвонят на вечерню.

– Спасибо, Мордимер, – сказал он, а во взгляде его я заметил искреннюю благодарность. – Ты не пожалеешь об этом.

Ветер подул в мою сторону, и смрад, бьющий от Клингбайля, едва не парализовал мои ноздри. Я даже отшатнулся.

– Уже жалею, – пробормотал, но так тихо, что он почти наверняка не услышал.

Эпилог

– Здравствуй, – сказал я, входя в кабинет Хайнриха Поммеля.

Тот без слов указал мне в кресло.

– Натворил ты дел, Мордимер, – сказал, даже не тратя сил на вступительные слова.

– Я установил истину.

– Да-а-а, установил истину. И что мы благодаря этому получили?

– Что мы получили? Истину! Этого мало? Ну а кроме того, малое вознаграждение. – Я положил на стол толстый мешочек, наполненный золотом.

– Забери его, – сказал Поммель измученным голосом. – Я решил отпустить тебя, Мордимер, на неопределенное время. Решил также написать письмо Его Преосвященству с просьбой принять тебя в число инквизиторов, лицензированных в Хез-хезроне.

– Вышвыриваешь за то, что я оказался слишком пронизательным, да? Слишком честным?

– Не вышвыриваю. – Он взвесил в руке мешочек и бросил его мне на колени. – Это прекрасный аванс, Мордимер. Ну и я думаю, что так для нас всех будет лучше.

– Почему? – спросил я расстроено. Отложил кошель на столешницу. Тот был и вправду тяжелым.

– Ибо то, что для тебя лишь средство, ведущее к цели, для других людей этой целью и является.

Некоторое время я молчал.

– Значит, я должен был договориться с Гриффо, верно? Освободить Захарию, взять деньги его отца, после чего принять деньги от Гриффо Фрагенштайна в обмен на то, что мы сохраним его семейные тайны?

– Ты сказал, Мордимер.

Значит, Поммель хотел всего лишь спокойно существовать. Именно таков был закон его жизни. А ваш нижайший слуга стал причиной того, что жизнь его сотряслась до самых своих основ. Наверняка моему главе не понравился разговор с людьми в черном. Быть может, не понравился ему также слух, что граф Фрагенштайн утонул, когда его навестили инквизиторы. Поммель, как видно, имел не настолько большие амбиции, чтобы оказаться добросовестным инквизитором, – он предпочитал оставаться в фаворе у местного дворянства. Как знать, быть может, и сам мечтал когда-нибудь сделаться одним из них?

Я поднялся.

– Возможно, ты позабыл, Хайнрих, что Бог все видит, – сказал я. – Видит и оценивает. Оценивает и готовит наказание.

– Поучаешь меня? – Он тоже встал. Я видел, как его лицо идет красными пятнами.

– Никогда бы не осмелился.

– Я любил тебя, – сказал он, сделав четкое ударение на «любил». – Но теперь думаю, что ты можешь доставить больше хлопот, чем пользы. В связи с этим составлю письмо, в котором буду просить снять с тебя полномочия инквизитора.

Я обмер, но миг спустя лишь склонил голову.

– *Ибо Он укрыв бы меня в скинни Своей в день бедствия, скрив бы меня в шатре своем, вознес бы меня на скалу*⁸, – прошептал.

– Убирайся уже, – приказал он измученным голосом.

– Пока нет, – произнес кто-то.

Я резко обернулся. В углу комнаты, опершись на суковатую палку, сидел худощавый человек в грязно-черном балахоне. Каким чудом ему удалось незаметно пройти в Инквизиториум? А каким чудом – войти в эту комнату и подслушать наш разговор?

– Добрый брат, ничего из того, что здесь происходит, тебя не касается. Пойдем, я прикажу накормить тебя, а потом перед дальнейшей дорогой наполним твою котомку мясом, хлебом и сыром.

Он взглянул на меня и усмехнулся.

– Большое спасибо, Мордимер, но я не питаюсь ничем, кроме Света.

Услышав эти слова, я хотел спросить, не отворить ли мне в таком случае ставни, не зажечь ли свечи, но, к счастью, я не успел ничего сказать. Хайнрих Поммель упал на колени

⁸ Пс. 26:5.

и ударился лбом в доски пола так сильно, что я побоялся, не пробьет ли он дыру в подвал.

– Мой господин, – закричал Поммель, – чем я заслужил такую честь?

– Ты – не заслужил, – ответил человек в балахоне.

Потом встал и приблизился к вашему нижайшему слуге, который глядел на все происходившее, словно баран. Он положил руку мне на плечо – и я едва не согнулся под ее тяжестью. Теперь тот, кого я принял за нищего, не казался ни столь низкорослым, ни столь худощавым, как поначалу. Даже бедный балахон сменился снежно-белым плащом. А волосы его засияли, словно чистое золото.

– Мордимер, – сказал он. – Мой дорогой Мордимер... Ты и вправду не знаешь, кто я такой?

Не понимая, я посмотрел в его глаза и утонул в лабиринтах безумия, которые в них пульсировали. Я не мог уже самостоятельно отвести взгляд, поэтому он ударил меня по щеке. Я вырвался из ловушки и отшатнулся к стене.

– Не хочу тебя пугать, мой дорогой мальчик, – сказал он, и в голосе том я услышал нотку печали.

– Кто ты? – спросил я, удивляясь тому, насколько спокоен мой голос. Был удивлен, поскольку, кроме хорошо ощущаемой эманации его силы, не различал никаких признаков, что сопровождали появление демонов. – Знай, что смело могу вспомнить слова Господа: *«Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и*

поддержу тебя десницею правды Моей»⁹.

Если бы мог, я выхватил бы из ножен меч, но не было у меня ничего, кроме укрытого за голенищем стилета. Я вынул тот стилет, понимая, как смешно выглядит мой жест. Но речь здесь шла не об оружии, а о силе веры, что направила бы острие.

– «Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине»¹⁰, – крикнул я.

– Хорошо сказано, Мордимер, – признал он вежливо. – И то, что веришь, будто я демон, – это даже к лучшему.

– Есть у тебя времени на три удара сердца, чтобы ответить. Потом тебя убью, – сказал я спокойно и решительно.

Так спокойно и так решительно, чтобы скрыть собственный испуг. Испуг мышки, грозящей льву.

– Мое сердце никогда не билось, а ты не в состоянии был бы причинить мне вред, даже если бы я такое допустил...

– Это Ангел! – проверещал Поммель, не поднимая головы от пола. – Это Ангел! Сжался надо мною, милостивый господин!

– С тобой мне не о чем говорить, – буркнул стоявший рядом со мной человек, и я внезапно понял, что рот Поммеля пропадает. Через миг на его лице между носом и подбородком нельзя было различить ничего, кроме ровной кожи.

– Ты и вправду Ангел? – спросил я, отступая на шаг и

⁹ Ис. 41:10.

¹⁰ Ис. 42:3.

поглядывая на Поммеля, который отчаянно ощупывал лицо в поисках рта – и глаза его едва не вылезали от удивления.

– Я не простой Ангел, Мордимер, – ответил он. – Я твой Ангел-Хранитель. Я свет, которым ты разгонишь тьму, я капля воды, которая падет на твои жаждущие уста, я дыхание ветра среди жара пустыни, я слово надежды там, где забыли слово «надежда». – Внезапно он вырос до потолка. Я прикрыл глаза, когда блеск поразил мои глаза. – Я – Слуга Божий, Молот Ведьм и Меч. Проведу тебя меж Ловцами Душ и дарую жизнь среди Черной Смерти. Желаеть ли меня обнять, Морди-мер?

– Нет, – сказал я, зная, что через миг гнев его падет на мою голову.

Я знал, что передо мной стоит демон, ибо такой человек, как я, не заслужил Ангела-Хранителя. Он пытался меня соблазнить, ввести во грех гордыни, обмануть...

– А ведь не ошиблись в тебе. – Голос его загредел, словно бронзовый колокол. – Ты именно тот, кого я искал. Подойди, мое дитя. Теперь обниму тебя с истинной любовью. Уже не сгоришь в моем огне...

Он даже не стал ждать моего позволения. Его огромные, сияющие белизной крылья прикрыли меня, словно одеяло из горячего снега. Милые мои, Мордимер Маддердин не дурак и знает, что снег не может быть горячим, ибо в руце человеческой превращается в воду. Ну и что до этого, если крылья Ангела казались созданными именно из раскаленных снеж-

ных полотнищ. Не делалось мне горячо, однако наполняли они жаром мои сердце, разум и душу.

Было это чувство пугающее и удивительное, несущее полную боли сладость. Я закрыл глаза и, видимо, порядком простоял в странном трансе, прежде чем снова их открыл. Рядом со мной никого не было. Ни человека в черном балахоне, ни Ангела с крыльями, сотканными из раскаленного снега. Лишь на полу осталось белое перо, но и оно через миг зашипело, а затем исчезло, оставив только выжженный след на дереве.

Я повернулся к Поммелю, чтобы взглянуть, что с ним происходит. Он уже отыскал рот, сидел в углу комнаты с онемевшим от испуга лицом и водил пальцами по губам. Взглянул в мою сторону.

– Уезжай отсюда как можно быстрее, Мордимер, – сказал, и в голосе его звучали страх и злость. А может, также нотка зависти? – Забирай все эти деньги – и уезжай. Я дам тебе письмо к епископу, только оставь нас в покое.

– Сделаю, как просишь, Хайнрих, – кивнул я. – Желаю тебе счастья – и спасибо за все.

Он глянул на меня несколько более осмысленным взглядом. Вздохнул и встал с пола. Тяжело оперся о кресло. Пальцами левой руки провел по губам, словно проверяя, на месте ли.

– Я тоже желаю тебе счастья, Мордимер. Правда. Несмотря ни на что. – И я услышал искренность в его голосе. – Но

не будет его ни тебе, ни тем, кто по неосторожности окажется на твоём пути...

– Почему же? – ужаснулся я.

Он не ответил, но лишь перевел взгляд на выжженный в дереве след от ангельского пера. Потом взглянул на меня.

– *Беда простым созданиям, когда окажутся они меж остриями умелых рубак,* – процитировал.

– Риттер, – узнал я машинально.

– Да, Хайнц Риттер. И разве он не гениален?

Я подошел к столу, взял пухлый кошель с гонораром, полученным от Клигбайля.

– Он прекрасен, – согласился. – И моя жизнь также будет прекрасной. Когда-нибудь...

Хайнрих взглянул на меня, и теперь на его лице читалось сочувствие.

– Наверяд ли, – сказал он. – Пусть бы даже ты и жаждал этого изо всех сил. Будешь как пожар, Мордимер: сожжешь все, к чему приблизишься.

Я кивнул, но не потому, что соглашался, лишь в знак того, что понял его слова.

– До свидания, Хайнрих. – Я открыл дверь.

– Прощай, – ответил он.

Слуга Божий

Ибо он орудие Божье, дабы отмерить гнев справедливый тому, кто совершает злое¹¹.

Св. Павел. Послание к Римлянам

Ненавижу города. Особенно Хез-хезрон. Но именно здесь лучше всего зарабатывать и лучше всего служить Богу. Или точнее – и простите, милые мои, за неверную очередность – так: здесь лучше всего служить Богу и лучше всего... выполнять волю матери нашей – Церкви Единой и Истинной. Именно здесь, в Хез-хезроне – худшем из дурных городов. В городе, где я какое-то время назад поселился. И по грязным улочкам которого теперь шел, чтобы встретиться с Алоизом Кнаппе, мастером гильдии мясников и влиятельным сукиным сыном. Было жарко, душно, а смрад от сточных канав и вонь от тел слишком многочисленных прохожих наотмашь хлестали по тонкому моему обонянию. Я прикрыл нос батистовым платочком. Может, когда-нибудь привыкну к этому: к грязи, к потным телам, гноящимся глазам и изъязвленной коже. Однако я знал, что никогда не привыкну к главному: к адскому смраду неверия и к гнили ереси, которые я, как инквизитор, должен был ощущать (и ощущал!) со сноровкой

¹¹ Рим. 13:4. В Синодальном переводе: «он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое».

охотничьего пса.

Кнаппе занимал каменный двухэтажный дом с выходом на улицу и дверью с медной колотушкой. Как для мастера гильдии мясников – весьма скромно, но Кнаппе был известен не только деловой хваткой, но и изрядной скупостью. Скупостью, сравнимой лишь с его жестокостью. Я никогда не любил этого человека, но он столь хорошо разбирался в городских делах, что не использовать его любезное приглашение было бы крайне глупо. Ну и пару раз он уже давал мне заработать. Не слишком много, но времена тяжелые, а всякая монетка – в кошель. Я, милые мои, был всего лишь инквизитором без епископской концессии, мало кому известным пришлецом из провинции, а значит, говоря откровенно, – никем.

Кнаппе сидел в саду, вернее, на заросшем сорняками участке, который называл садом, и жрал финики из большой серебряной миски. Брюшко упиралось в его колени, распахнутая на груди рубаха была в пятнах от вина и масла, а пальцы – тяжелы от золотых перстней. Те подмигивали мне глазками драгоценных камней, словно кричали: «Мы охотно сменим владельца, дорогой Мордимер. Только дай знак! Хватит с нас этих отвратительных толстых пальцев! О, сколь же охотно перейдем мы туда, где нас станут холить!» Я знал, что снять перстни с руки Кнаппе было столь же просто, как вырвать клыки матерому волку. Но кто сказал, что все в этой жизни легко?

– Садитесь, господин Маддердин, – буркнул он, не глянув на меня, и небрежным жестом отослал слуг прочь.

Те испарились, словно туман под солнечными лучами. Нужно признать, хорошо он их вымуштровал.

– У меня есть для вас задание, но захотите ли вы подзаработать?

– Церковь платит своим слугам слишком много, – соврал я с усмешкой. Я об этом знал, он об этом знал, и я знал, что он знает. – Но если бы некто возжелал чего-то большего, чем кубок водицы и краюху хлеба, то охотно бы выслушал здравое предложение.

– Элия Коллер – говорит ли вам что-то это имя?

Я пожал плечами. Кто в Хез-хезроне не знал, что Элия публично отказала самому мастеру гильдии мясников? Разве только глухой и слепой. Элия была одинокой богатой дамой, формально – под опекой старших братьев, но в действительности те вовсе танцевали под ее дудку. К тому же была она отважной и решительной. Полагала, что с ее деньгами и положением может не бояться Кнаппе. И это, понятное дело, свидетельствовало о том, что Элия не грешит излишней рассудительностью – или же грешит гордыней. Если уж она не хотела брака, хотя бы не стоило публично унижать мастера мясников. Особенно если ты всего лишь мещанка без влиятельного мужа или любовника. А того или другого, при своей красоте и деньгах, она могла бы с легкостью заполучить. Что ж, видимо, Элия любила свободу, а сие бывает как при-

ятным, так и опасным. Нынче же сотворила себе сильного, беспощадного врага – и даже не подозревала об этом. Или знала, но не обращала внимания. Нехорошо: ведь отвергнутый Кнаппе пригласил на разговор именно меня. Что означало проблемы для всех, кого он не любил.

– Покончи с ней, Мордимер, – прошептал он, накрывая мою ладонь своей.

Ладонь была горячей и липкой. Неудивительно, что Элия не хотела, чтобы дотрагивались до нее этакие щупальца. Я – тоже не хотел, потому убрал руку. Ко всему прочему, не люблю, когда такие люди, как Кнаппе, обращаются ко мне по имени. «Мастер Маддердин» было бы куда более соответствующим словосочетанием.

– Я не наемный убийца, Кнаппе, – сказал я, пожимая плечами. – Обратись к кому-нибудь другому.

Я не разозлился и не обиделся. Скорее удивился, что мастер мясников мог принять меня за наемника, готового на все ради пары крон. Поднялся, но тот схватил меня за плечо. Я остановился и поглядел на его руку.

– Могу сломать ее в трех местах. Одним движением.

Конечно, я врал. Одним движением я сломал бы руку только в двух местах. Но Кнаппе об этом не знал. Помедлив, он разжал хватку. Я же продолжал смотреть на его руку, и та, словно под тяжестью этого взгляда, опускалась, опускалась, опускалась, пока не опочила в серебряной миске. Толстые пальцы стиснули фиги.

– Так-то лучше, – сказал я.

– Покончи с ней! – В голосе его я слышал ненависть, и лишь Господь ведал, была ли она направлена на Элию или же больше на вашего нижайшего слугу. – Прикончи ее, как это вы, инквизиторы, умеете...

– Не имею права действовать на территории епископства, – ответил я осторожно, удивленный, что он не знает и этого. – Моя концессия не распространяется ни на Хез-хезрон, ни на управляемые им земли. Я всего лишь бедный провинциал, – позволил я себе едва заметную иронию, – но, если хочешь, могу порекомендовать тебе кого-нибудь из местных. Знаю одного или двух еще по нашей славной Академии Инквизиториума...

– И как долго твое представление лежит в епископской канцелярии? – прервал он меня.

– Почти два года, – вздохнул я. – С того времени, как я покинул Равенсбург. Епископ нетороплив...

– Я все устрою, – пробормотал Кнаппе, а я подумал о том, насколько далеко тянутся его щупальца. – Но я не хочу ее убивать – только пригрозить судом и пыткой. Стоит ей увидеть мастера Северуса и его инструменты, как сердечко ее тотчас смягчится.

Глядя на Кнаппе, я подумал, что не уверен, выберет ли Элия Коллер брак или все же встречу с мастером Северусом, весьма прославленным своими умениями и инструментами. Ну, это будет уже ее выбор. Кроме того, оставались у меня

сомнения насчет того, сумеет ли Кнаппе, предав Элию суду, после ее выручить. Дела, которым однажды дали ход, остановить нелегко. Мясника либо ослепляет любовь пополам с ненавистью, либо на самом-то деле он хочет не столько напугать Элию, сколько уничтожить. Вопрос лишь в том, обманывает он себя или меня? Впрочем, не важно. Это его – и исключительно его – дело. Я, инквизитор Мордимер Маддердин, был, есть и останусь лишь стрелой, которую послали в цель. А относительно цели пусть задумывается лучник. Быть может, Элия смягчится, увидев: Кнаппе настолько изнывает от страсти, что послал за ней гончего пса в лице вашего нижайшего слуги?

– И послушайте меня внимательно, господин Маддердин. У меня есть причины полагать, что Элия не такая уж богобоязненная и целомудренная дама, какой хотела бы слыть...

Вот теперь он меня заинтересовал. Понятно, что в словах его надлежало отделять зерна от плевел, но кто сумеет сделать это лучше бедного Мордимера, которого многие годы натаскивали на непростое дело распознавания истины?

– Что имеешь в виду? – спросил я и подумал, не попробовать ли и мне финик, но Кнаппе так шуровал рукой в миске, что небось успел уже все их залапать.

– Каждую субботу, вечером, она тайно выходит из дома и возвращается лишь пополудни в воскресенье...

– Любовник, – рассмеялся я.

– Не перебивай меня! – рявкнул он, я же понял, что он

несимпатичен мне, и это, увы, – навсегда. – Где тот любовник? В подземельях Сареваальда?

Видимо, упоминание о любовнике заставило мастера мясников занервничать. Не скрою, меня это порадовало, но показывать свою радость было бы неуместно. Зачем мне больше врагов, чем уже есть? Не скажу, чтобы я боялся людей, не любивших меня, но к чему увеличивать их число? Я ведь, в конце концов, тихое и покорное сердце, как и велит Писание.

– А откуда у нее столько денег на новую повозку, новые платья, стадо слуг, все эти пирушки? На некоторые она приглашает человек по двести. Точно говорю – дело Нечистого. – Он размашисто перекрестился.

Я готов был биться об заклад: больше всего ему не нравилось, что на эти приемы не приглашали его самого.

– В подземельях под Сареваальдом, – повторил я. – Ну, это и вправду интересно. Но Элия ведь богата.

– Не настолько, – сказал Кнаппе. – А я проверял тщательно, уж поверь.

Это верно: если дело касается финансов, мнение Кнаппе трудно не принимать в расчет. В конце концов, круглый дурак не стал бы одним из самых богатых купцов города и мастером гильдии мясников – а должность эта имела немалый вес.

– Посылали кого-нибудь за ней? – спросил я.

– А то, – понуро ответил он, – посылал, конечно. Три раза. И мои люди не вернулись. Представляете, господин Мад-

дердин?

Это было и вправду интересно. А учитывая, что дело становилось опасным – могло повлиять на величину моего гонорара.

– А отчего бы не сделать это официально? Созовите Совет и потребуйте расследования или составьте формальный донос в Инквизиториум...

– Господин Маддердин, – глянул он на меня раздраженно, и я видел, что теряет терпение. – Я не хочу убивать ее, не хочу жечь на костре – всего лишь принудить, чтобы вышла за меня. Узнай твои конфратеры о ереси – и даже я не спасу ее от огня! Так что решай: берешься за работу или нет, а, Мордимер?

Кнаппе путался, словно пьяница в вожжах. Он что же, всерьез думает, будто я закрою глаза на ересь? Уж тогда бы мой Ангел-Хранитель устроил мне веселье, после которого сеанс с мастером Северусом показался бы возбуждающим свиданием. Разве что увидел бы в этом какую-то пользу, но ведь неисповедимы пути, которыми следуют мысли Ангелов! Как неисповедимы и лабиринты безумия, которыми те пути ведут.

– Сколько? – спросил я, зная, что из этого скупердяя непросто будет выжать хоть что-нибудь.

– Устрою тебе епископскую концессию на весь округ Хезхезрона. Этого разве не достаточно? – Он приподнял брови, словно удивленный моей неблагодарностью. – Выполните после для меня два-три поручения – и будем квиты.

– Концессию всегда можно дать, а потом – отобрать. Зависит от настроения Его Преосвященства, – сказал я, памятуя, что, когда епископ страдает от подагры, поступки его совершенно непредсказуемы. – Кроме того, мне ведь придется потратиться. Или вы, господин Кнаппе, полагаете, что я отправлюсь в одиночку? А помощникам нужно будет заплатить.

Мясник шевельнул губами, словно что-то подсчитывал.

– Двадцать крон, – наконец выдавил с усилием.

– Там уже погибли люди, – напомнил я ему. – Триста – и ни полугрошем меньше.

Кнаппе побагровел.

– Не смейся надо мной, попик, – сказал тихо, – потому что могу и тебе устроить визит к Северусу.

Уж и не знаю, почему некоторые зовут нас, инквизиторов, попиками. Служим Церкви, изучали теологические науки (настолько, насколько могут пригодиться в нашем деле), но, мечом Господа нашего клянусь, мы ведь не священники!

Я глянул ему прямо в глаза. Как доходит до торгов, уж поверьте мне, я не знаю страха. Дукаты, кроны, талеры, дублоны, флорены, и даже сама мысль о них обладает силой воистину волшебной. Да и к тому же угрозы – часть обряда торговли, принимать их всерьез я не намеревался. Хотя, несомненно, следует признать, что Кнаппе не принадлежал к числу воспитанных людей. И с сеансом у мастера Северуса он перебрал. Кто когда видел, чтобы официально допрашивали

инквизитора? Такие дела решаются совсем иначе. Насколько я знал, инквизиторы, виновные в преступлениях, попадали под опеку столь теплую, что по сравнению с ней пытки Северуса выглядели нежнейшими ласками. Вдобавок для этого должен найтись повод позначительней гнева мясника – пусть даже и мясника с весьма серьезными связями.

– А хотел бы ты когда-нибудь повстречаться с Курносом, господин Кнаппе? – спросил я без улыбки, но и без злости.

Курносом все называли Захарию Клигбайля, которого я спас от медленной смерти в казематах и который теперь помогал в разнообразнейших моих начинаниях. Ходила о нем, о моем Курносе, дурная слава. И было это хорошо.

– Угрожаешь? – Кнаппе привстал и навис надо мною словно глыба жира.

Я внезапно ощутил бешеную ненависть и желание расквасить эту огромную морду, похожую на пудинг из кровяной колбасы. Но – сдержал себя. В конце концов, нас связывало дело, и здесь не было места личным симпатиям и антипатиям.

– Триста, господин Кнаппе, – повторил я спокойно, а он медленно опустился в кресло, словно из его тела выпустили воздух.

– Двадцать пять, – сказал, – и это мое последнее слово.

– Выбрали вы неподходящее время, – рассмеялся я. – У меня как раз хватает денег, чтобы спокойно подождать действительно выгодного предложения. К тому же подумай-

те: потом будут проблемы с ее братьями.

Я видел: ему хотелось сказать: «Это твои проблемы», – но он как-то сдержался.

– Пятьдесят, – решил я, а я подумал, насколько еще сумею затянуть эту игру.

– Плюс двести, – добавил и так потянулся за фиником.

– Тридцать сейчас и пятьдесят после дела.

– Сто сейчас и сто двадцать пять после дела. И в случае чего – задаток не возвращается.

– По пятьдесят. – Кнаппе сжал кулаки.

– Семьдесят пять и семьдесят пять и тридцатипроцентная скидка в твоих лавках до конца года.

– Десять процентов, – сказал он.

Наконец сошлись мы на семнадцать с половиной и торжественно ударили по рукам. Я был несколько удивлен, поскольку надеялся выторговать крон сто, а мысль о скидке пришла в последний момент. Кнаппе же должен был знать больше, чем говорил, – или задумал какую-то гадость. Или и вправду алкал жениться на Элии. Я лишь надеялся, что он не настолько глуп, чтобы думать, будто сумеет после завершения работы от меня избавиться. Это правда, что не было у меня концессии в Хез-хезроне, но, Боже милостивый, я ведь инквизитор! А даже Кнаппе ни скуп, ни глуп настолько, чтобы портить отношения с Инквизиториумом, который наверняка вспомнил бы о своем конфратере. Даже о таком, который не слишком известен в Хез-хезроне и у которого

нет епископской концессии. Впрочем, не было у меня нужды в том, чтобы защищала меня Церковь. Да, милые мои. Бедный Мордимер – человек осторожный, осмотрительный и смиренный, но если дело доходит до проблем – в нем просыпается триединое чудовище: лев, тигр и дракон!

Кнаппе отсчитал семьдесят пять крон, а я еще велел ему поменять две золотые пятидукатовки, обрезанные по краю, и только потом спрятал мешочек под кафтан.

– Через несколько дней получишь концессию, – пообещал он.

– Буду ждать, – ответил; мне и впрямь было интересно, удастся ли ему повернуть все настолько быстро.

Впрочем, так или иначе, задаток возвращать я не предполагал. Потому что – как знать, дойдет ли дело до следующего платежа? Если Элия предстанет перед Советом, Кнаппе наверняка не будет настроен еще раз тянуться к кошельку.

– Реши это быстро и чисто, Мордимер. Да, – глянул он на меня с прохладцей, – и не вздумай обмануть. Если решишь стакнуться с девкой за моей спиной – я догадаюсь.

– Ты меня знаешь.

– О да, знаю, – кивнул Кнаппе и повернулся ко мне спиной.

– Мы еще не закончили, – сказал я твердо.

– Да ну? – протянул он и без охоты глянул в мою сторону.

– Именно. Когда буду выходить, станешь в дверях. И отыграешь одну сценку.

– Сценку? – Маленькие глазки с подозрением уставились на меня из глыб жира, которые у нормального человека были бы щеками.

– Скажешь: «Ладно, Мордимер, дам тебе на десять крон больше». Так, чтобы услышали слуги. А я отвечу: «О нет, даже если бы давал тысячу, не стану этого делать!»

– Думаешь, что в моем собственном доме есть шпионы?

– А ты думаешь, что может их не быть у человека твоего положения? – спросил я вежливо.

– Да, это верно, – усмехнулся он через миг, и я знал, что слова мои были бальзамом для его души. – Наверняка ты прав!

* * *

Курнос и близнецы сидели в «Хромом пони»: играли. По лицам было понятно, что играли неудачно. Ну а потом я увидел человека, которого они пытались обуть, – и рассмеялся.

– Отдай им деньги, Ганс, – сказал, присаживаясь. – Или уж – половину того, что проиграли. Никогда не читал разве, как говорит Писание: *«Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись!»*¹².

Шулер широко раззявил рот в усмешке, показывая черные десны и пеньки гнилых зубов.

¹² Ефес. 4:28.

– Я всего лишь достойный жалости грешник, – сказал с театральным раскаянием, – и не знаю Писания так хорошо, как слуги нашего Господа.

– Так это Ганс? Ганс Золотая Ручка? – спросил Курнос и ткнул его кривым пальцем в грудь.

Близнецы заворчали что-то под нос и одновременно, хотя и незаметно, потянулись к стилетам.

– Нет-нет, – придержал я Первого. – Мы ведь не хотим здесь драк, верно, Ганс?

Шулер усмехнулся и подтолкнул в их сторону кучку серебра.

– Считайте это бесплатным уроком, – сказал. – Выпьешь со мной, Мордимер?

– Почему бы и нет? – ответил я, а Курнос и близнецы встали, оставляя нас одних.

Трактирщик принес нам вина, и я, прежде чем сделать глоток, сперва смочил губы.

– Всегда осторожен? – усмехнулся шулер.

Я глянул на него, не понимая, что тот имеет в виду.

– Ах, нет, – сказал наконец. – Просто привычка.

Ганс склонился ко мне.

– Был у Кнаппе? – спросил шепотом.

– Как всегда, когда в городе, – ответил я, не понижая голоса.

– Да он уже предлагал работенку то одному, то другому, – засмеялся Ганс. – Но дураков нет, парень. Знаешь, кого мы

давненько не видали в Хезе? Русого и его людей.

– А откуда б ему здесь взяться, – насупился я, поскольку Русого в последний раз видели в подземельях барона Берга. Судя по тому, что я слышал, из тех подземелий быстро не выходят. А если выходят – то не своими ногами.

Ганс пожал плечами:

– Я что, гадалка? Ты просто учти: вот он был, а теперь его нет.

– Взял задаток и смылся, – сказал я, поскольку все знали, что Русый и его люди – не самая солидная компания.

– Ты вроде бы не дурень – верить, что Кнаппе дал ему задаток, – фыркнул он. – Это дело смердит, парень, и я тебе советую: держись подальше от проблем.

– В смысле?

– В смысле – уезжай, Мордимер. Просто-напросто уезжай. Или займись чем другим.

– Вот как, – пробормотал я. – И какова будет цена моего послушания?

– Лучше спроси, какова будет цена строптивости. – Сукин сын даже не старался скрыть угрозу в голосе.

– Ганс, ты ведь столько лет меня знаешь – должен бы помнить, что меня можно купить, но нельзя запугать, – сказал я с упреком.

Шулер допил вино и встал.

– Мне всегда казалось, что ты понимаешь, откуда дует ветер, Мордимер, и всегда падаешь на четыре лапы. Не оши-

бись теперь.

Я кивнул ему:

– Спасибо за вино. И – взаимно. Я хотел бы, чтобы ты знал одно. Я ненадолго выезжаю из города, а делом Кнаппе займусь, когда вернусь. Или не займусь. Это будет зависеть от многого – и от состояния моих финансов в том числе.

Ясное дело, я врал, но это был неплохой способ успокоить Золотую Ручку. Если он имел отношение к Элии Коллер, а мне казалось, что имел, то он, вне всякого сомнения, повторил бы, что Мордимер Маддердин покидает Хез-хезрон. И даже если ему не поверят, зерна сомнений будут посеяны.

Шулер ушел, от порога снова махнув мне рукой, а я минутку посидел в одиночестве, допивая вино. Когда наконец вышел, увидел, что Курнос и близнецы сидят вместе с парой оборванцев подле корчмы и играют в монеты. Кивнул им. Они неохотно оторвались от развлечения. Мы отошли в сторону.

– Ничего не получилось, – сказал я им.

Курнос скривился, а скривившимся выглядел он еще хуже, чем обычно. Близнецы помрачнели.

– Ну, тогда сами чего-то найдем, – буркнул Второй.

– Как хотите, но, – я поднял палец, – поступим по-другому. Ждите меня здесь каждый день, с полудня до двух. И никаких авантюр, потому что вытаскивать вас из казематов бургграфа во второй раз я не стану.

Курнос вновь скривился, припоминая те события. Впро-

чем, у Курноса любое упоминание о казематах (где бы те ни находились и кому бы ни принадлежали) пробуждало старые воспоминания. И как свидетель его приключений, я мог сказать, что воспоминания эти были крайне мрачными.

Да и на сей раз все могло закончиться куда как невесело. Мне и вправду пришлось крепко поднапрячься и использовать немногие свои знакомства, чтобы вытащить парней из тюрьмы. Их обвиняли в убийстве, насилии и грабеже. В лучшем случае – виселица. В худшем – содранная кожа, отрубленные конечности или переломанные колени... И все же мне удалось добиться лишь публичной порки и месячного искупления. Ежедневно они должны были восемь часов лежать на плитах собора, в покаянных одеждах и с остриженными головами. Также ежедневно получали по пять ударов кнутом на рынке, куда должны были ползти на коленях. Ну в конце концов все это веселье закончилось, а парни получили незабываемый жизненный опыт.

Я лишь надеялся, что они сумеют сделать из него выводы.

* * *

Концессия пришла через восемь дней, и не сомневайтесь, проверил я ее очень тщательно. И печать, и подписи были настоящими. Красная печать со львом и драконом да размашистая подпись самого епископа Хез-хезрона. Я не думал, что Кнаппе решился бы на подделку церковного документа, но

береженого Господь Бог бережет. Получив бумаги, я отправился в хезский Инквизиториум, чтобы официально представиться новым братьям и зарегистрироваться в канцелярии. Восемь дней ожидания я потратил не только на развлечения. Да и что за развлечения в Хез-хезроне? Дешевые девки грязны и больны, а дорогие, как следует из самого этого слова, – дороги. Слишком дороги для бедного Мордимера, что с трудом сводит концы с концами. Но я послушал там и сям то, что послушать стоило, и... Кнаппе был прав: Элия не только не производила впечатление богобоязненной и законопослушной мещанки – напротив, похоже, скрывала некую тайну. Ганс тоже не ошибся: это дело смердело. Но у меня была концессия, и благодаря этому грядущее виделось в более радужных тонах. При том условии, конечно, что я вернусь из Сареваальда. А если уж не вернулся оттуда негодяй Русый, означало сие лишь одно: задание не из легких.

Сареваальд – руины замка в трех стае¹³ от Хез-хезрона. Замок сгорел лет сто тридцать тому, и раза три его пытались отстроить, но ничего из этого не вышло. Некий епископ даже хотел поставить на холмах церковь, но как раз случилась война с монголами, и епископа сожгли, а после войны у всех нашлись более насущные проблемы. Поэтому руины крепости так и темнели на склоне, вечно окруженные туманом и легендами. Рассказывали о детях, что не возвращались с холмов, селяне клялись, что ночью там горят огни и раз-

¹³ Стае – единица измерения расстояния, равная 1067 м.

даются ужасный вой и дьявольский хохот. То, что пропадали дети, не удивляло, поскольку вокруг были только болота да глиняные карьеры, что же до селян – трудно найти среди них трезвого. Но здешние жители верили, что в руинах затаилось Зло, и селяне даже направляли прошения епископу, дабы снарядил туда экзорциста или инквизиторов. Будто у епископа нет других забот.

* * *

В Сареваальд мы двинулись в вечер пятницы, с тем расчетом, чтобы всю субботу ждать на месте. Я не скрывался. Напротив: мы выехали через северные ворота, а Курнос и близнецы свято верили, что направляемся мы на работу в городок Вильвен, до которого было полдня пути. Что цель наша – Сареваальд, я рассказал им, уже когда стены Хеза скрылись с глаз.

Отчего выехали мы через северные ворота? Потому что руины Сареваальда лежали как раз к северу от города. Если кто-то следил за нами, наверняка должен был подумать: «Глядите-ка, хитрован Мордимер и его люди выезжают через северные ворота. Если бы намеревались попасть в Сареваальд, выехали бы южными, а потом тихонько обошли город». Но не было похоже, будто кто-то пытается идти за нами, а уж поверьте, вашего нижайшего слугу выучили распознавать подобные вещи.

Мы не спешили и до Сареваальда добрались к ночи. Небо было в тучах, и луна лишь время от времени показывалась из-за темной их вуали. Но даже в этом слабом свете было видно, что внутренние стены крепости сохранились весьма неплохо. Если здесь кто и появится, придется ему пройти сквозь ворота, а вернее – через тот пролом, что от них остался.

Мы подыскали безопасное местечко и устроились на ночлег, решив сменять друг друга на посту каждые три часа. С утра субботы слегка осмотрелись в руинах, и Курнос нашел проржавевший топор. Такое вот таинственное место. Но я и не думал расслабляться. В конце концов, Кнаппе, по его словам, послал сюда три отряда, и никто не вернулся – а это о чем-то, да говорило. До ночи мы подкреплялись неплохим винцом, которого Курнос притащил несколько бурдюков. Не вижу причин, отчего бы парням не выпить перед делом. Они достаточно опытные, чтобы знать: если напьются и напортачат – погибнут. Не убьют их враги – сделаю это я сам. Собственными руками и так, чтобы дать хороший пример остальным любителям неразумных развлечений. Но и близнецы, и Курнос были крепкими ребятами. Я лично видел, как Курнос однажды за раз опорожнил пятилитровую баклагу крепкого, сладкого вина – и даже бровью не повел. Разве что проблевался потом от излишка сладости, а после зарезал человека, который осмелился над этим посмеяться. А потом – еще и двух приятелей того человека, поскольку те почувствовали себя оскорбленными. В городе потешались над тем

случаем целый год.

Внезапно Второй, который теоретически бдил на посту (а на деле нет-нет, да и прибегал к нам глотнуть винца), крикнул по-совиному. Мы сорвались с места и припали к отверстиям в стене. По тракту медленно ползли светляки.

– Идут, – прошептал Первый.

– Ага, идут. – Курнос достал из ножен саблю.

Удивительная у него была сабля. В самом широком месте – с ладонь, но острая словно бритва. Разрубала железный брус словно трухлявое дерево. Некогда Курносу отдавали за нее сельцо, но он не продал – предпочел бы умереть с голоду. Был он крепким парнем, мой Курнос, и, между прочим, за это я его и любил.

Огоньки приблизились, и мы услышали шум голосов, а потом увидали людей с факелами. Было их семеро, шестеро мужчин и одна женщина, если в такой тьме я разобрал верно. Мужчины – спереди и сзади – несли факелы. Двое других волокли немалый сверток. Коней наверняка оставили внизу, и некоторое время я жалел, что не послал кого-то из своих к подножию, чтобы разобрались с охраной и свели лошадок. Ведь деньги лишними не бывают. К тому же слабо верилось, чтобы Элия Коллер приехала на захудалой кляче.

Пришельцы вели себя так, словно Сареваальд был самым безопасным местом на свете. Шутили, смеялись, кто-то ругался в голос, сбив ногу о камень, кто-то пил, громко глотая, из фляги. Мы напряженно ждали, куда же они последуют.

Здесь наверняка был умело замаскированный вход, которого мы не нашли.

Точно. Один из мужчин, настоящий гигант, подошел к камню, поднатужился и передвинул его в сторону. Под камнем была железная плита со слегка заржавевшим кольцом. Я видел все отчетливо, поскольку мы лежали буквально в нескольких шагах от них, в руинах галереи, меньше чем в трех метрах над подворьем. Теперь я был уверен, что женщина – именно Элия Коллер. Следовало признать: красивая бестия! Длинные светлые волосы, сколотые высоко на голове, хищное личико с маленьким носиком и большими изумрудными глазами. Лампа, которую нес один из мужчин, хорошо ее освещала, и я уже не удивлялся, что Кнаппе влюбился в эту женщину. Может, я и сам бы в нее влюбился, если бы не тот факт, что собирался ее погубить. Ни одного спутника Элии я раньше не видел, но, по правде сказать, насчет того, кто все время стоял за пределами освещенного факелами пространства, у меня были сомнения.

Великан поднял металлическую плиту, и все остальные сошли по ступеням во тьму. Сам же он закрыл за ними вход и вновь, покряхтывая, передвинул камень на место. Потом уселся поудобней, оперся о стену, набил трубку и принялся лениво пускать из нее дым, глядя в небо. Курнос посмотрел на меня вопросительно.

– Живьем, – выдохнул я ему прямо в ухо.

Он лишь кивнул, и мы потихоньку отступили. Вернулись

на подворье и притаились неподалеку. Когда я подал знак, рванулись все вчетвером, но великан оказался очень проворен. Вскочил, выхватывая из-за голенища нож такой величины, что любому из близнецов мог бы служить мечом. Курнос едва не погиб: с трудом сумел уклониться, покотившись по земле. Гигант же оказался подле меня – и тогда я сыпанул ему в глаза шерскен. Он завыл, вскидывая руку к глазам. Первый ударил его палкой в пах, а Второй ткнул в кадык. На том все и закончилось. Потом связали ему руки за спиной и ноги в щиколотках, протянули веревку между узлами – и вот уже великан лежал на животе, словно огромная, грубо срубленная люлька. Был беспомощным, словно улитка. Мы высекли огонь и при свете фонаря рассмотрели его пристальней. Широкое, безо всякого выражения, безволосое лицо без левой ноздри, огромный синий шрам, пересекавший нос.

– Красавчик, – пробормотал я.

Был доволен, что парни управились столь умело и быстро. Интересно, правда, как бы оно все обернулось, не швырни ваш нижайший слуга шерскен, но ведь... зачем рисковать? В любом случае шерскен свое дело сделал: у великана теперь были зажмурены глаза, а из-под покрасневших век ручьями лились слезы. Ха, сильнее шерскена никого нет! Можешь, человеке, быть огромным и тяжелым, словно гора, но, коли ребенок швырнет тебе в глаза шерскен, думать будешь лишь о том, чтобы добраться до ближайшей лужи. А если окажешься настолько глуп, чтобы тереть глаза, – скорее все-

го последним, что увидишь, будут твои собственные пальцы, трущие веки.

Наш пленник глаза тереть не мог, поскольку руки у него были связаны за спиной, но я видел, что он лишь усилием воли сдерживается, дабы не завывать от боли и страха. Я достал флягу и плеснул воды в сложенную лодочкой ладонь. Придержал великану голову и омыл ему лицо. Должно быть, он понял, что помогаю, поскольку перестал сопротивляться. Я же плеснул в горсть еще воды и хорошенько промыл ему глаза. Я ведь не хотел, чтобы он думал лишь об ужасной, жгучей боли – только чтобы вежливо ответил на мои вопросы. Но Курнос решил, что я слишком милосерден, и изо всех сил ударил лежащего кованым сапогом под ребра.

– Ох, Курнос, – сказал я, но даже не рассердился.

Знал, что Курнос зол, поскольку великан едва его не подловил. Никто ведь не мог и подумать, что при таком росте и весе он будет настолько стремительным. Впрочем, можно было и догадаться: ведь спутники Элии не дураки, чтобы взять себе в телохранители первого попавшегося забияку с улицы.

– Откуда ты, парень? – спросил я его.

Великан в ответ выругался. Очень невежливо, особенно учитывая, что минуту назад я промывал ему глаза от шерскена. Второй воткнул пленнику в рот кусок тряпки, а Курнос уселся ему на спину и сломал мизинец на левой руке. А потом сломал безымянный, средний и указательный. Всякий

раз слышался хруст, а потом стон из-под тряпки, глаза же великана становились все больше. Второй склонился, приложил палец к губам, приказывая пленнику вести себя тихо, и вынул кляп. Великан болезненно дышал, густая слюна стекала у него изо рта.

– На мои вопросы отвечать тотчас, – сказал я ласково. – Ибо, как говорит Писание, *«нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу»*¹⁴. Потому повторю: откуда ты, парень?

– Из Тириана, – прохрипел он.

Тирианон-наг, обычно называемый Тирианом (убейте меня, но не знаю, откуда это варварское название происходит¹⁵), был небольшим, хотя и богатым городком у самой границы марки. Насколько мне было известно, там можно заработать неплохие деньги на охране купеческих кораблей, которые путешествуют в довольно опасные районы вверх по реке. Но этот бедолага подумал, что сделает карьеру в Хезхезроне. И карьера его заканчивалась теперь здесь, в руинах крепости Сареваальд. Плохое место для смерти, но с другой стороны, а какое место для смерти хорошо? О том, что он умрет, знали все мы. Вопрос заключался лишь в том, будет ли эта смерть быстрой и в меру безболезненной – или же наш

¹⁴ Марк. 4:22.

¹⁵ В отличие от Мордимера мы можем предполагать, что происходит это название из кельтского языка (древнеирландская форма: *Tig inna n-Os*) и означает – в нашем мире – «страна (вечной) молодости», место жительства Племен богини Дану.

забияка окажется у адских врат, воя от боли, искромсанный на кусочки. Впрочем, после длительного и тесного знакомства со мной и моими инструментами даже ад показался бы ему раем. Но, во-первых, у нас не было достаточно времени для длительного знакомства, а во-вторых, ясное дело, не оказалось у меня при себе инквизиторских инструментов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.